

Практический мистицизм: небольшая книга для нормальных людей

Эвелин Андерхилл

Practical Mysticism: A Little Book for Normal People

Evelyn Underhill

Электронная книга проекта "Гутенберг" о практическом мистицизме: маленькая книжка для нормальных людей

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Практический мистицизм: Маленькая книжка для нормальных людей

Автор: Эвелин Андерхилл

Дата выхода: 8 июня 2007 [Электронная книга № 21774]

Последнее обновление: 6 октября 2012

Язык: Английский

Титры: Рут Харт

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ПРАКТИЧЕСКИЙ МИСТИЦИЗМ:
МАЛЕНЬКАЯ КНИЖКА ДЛЯ НОРМАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ " ***

Электронный текст подготовлен Рут Харт ruthhart@twilightoracle.com

Примечание переписчика:

В оригинальной книге Оглавление располагалось после Предисловия, но я поместил его в начале текста для этой онлайн-версии.

ПРАКТИЧЕСКИЙ МИСТИЦИЗМ

АВТОР ЭВЕЛИН АНДЕРХИЛЛ

Автор книг "Мистицизм", "Мистический путь", "Имманентность: книга стихов".

"Если бы двери восприятия были очищены, все предстало бы человеку таким, как оно есть, бесконечным. Ибо человек замкнулся в себе до такой степени, что видит все вещи сквозь узкие щели своей пещеры".

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

НЬЮ - ЙОРК
E.P. DUTTON & COMPANY
ПЯТАЯ АВЕНЮ , 681

Авторское право 1915 года от
E.P. Dutton & Company

В НЕВИДИМОЕ БУДУЩЕЕ

Содержание

	Предисловие	vii
I.	Что такое мистицизм	1
II.	Мир реальности	13
III.	Подготовка Мистика	21
IV.	Медитация и воспоминание	56
V.	Самонастройка	29
VI.	Любовь и воля	74
VII.	Первая форма созерцания	87
VIII.	Вторая форма Созерцания	105
XI.	Третья форма созерцания	126
X.	Мистическая жизнь	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта небольшая книга, написанная в последние месяцы мира, выходит в печать в первые недели великой войны. Многие почувствуют, что в такое время конфликта и ужаса, когда только самые невежественные, нелояльные или апатичные могут надеяться на спокойствие ума, книга, посвященная тому, что называется "созерцательным" отношением к существованию, совершенно неуместна. Эта точка зрения действительно настолько очевидна, что сначала у меня возникла мысль отложить ее публикацию. С одной стороны, кажется, что мечты о духовном возрождении, которые так справедливо обещались совсем недавно, погибли во внезапном взрыве грубой силы. С другой стороны, мысли англичан теперь обращены, и вполне справедливо, к наиболее конкретным формам действия - борьбе и выносливости, практическим жертвам, трудным и продолжительным усилиям - а не к пассивной позиции самоотдачи, которая является всем, чего, на первый взгляд, требует практика мистицизма. Более того, это глубокое убеждение в зависимости всего человеческого от вечных ценностей, в имманентности Божественного Духа человеческой душе, которое лежит в основе мистической концепции жизни, действительно трудно совместить с большей частью человеческой истории, которая сейчас раскаляется докрасна из котла войны. По всем этим причинам мы, вероятно, во время нынешнего кризиса станем свидетелями восстания против тех поверхностно мистических представлений, которые угрожали стать слишком популярными в недалеком прошлом.

Тем не менее, название, намеренно выбранное для этой книги - "Практический" мистицизм, - ничего не значит, если позиция и дисциплина, которые она рекомендует, должны быть приспособлены только к хорошей погоде: если принципы, за которые она выступает, рушатся под давлением событий и не могут быть согласованы с более суровыми обязанностями национальной жизни. Принять эту позицию - значит низвести мистицизм до статуса духовной игрушки. Напротив, если переживания, на которых она основана, действительно имеют трансцендентную ценность для человечества, о которой заявляют мистики, - если они открывают нам мир высшей истины и большей реальности, чем мир конкретных событий, в который мы, кажется, погружены, - тогда эта ценность скорее возрастает, чем уменьшается, когда мы сталкиваемся с подавляющей дисгармонией и страданиями настоящего времени. Важно, что о многих из этих переживаний нам сообщают из периодов войны и бедствий: чем сильнее проявлялись силы разрушения, тем интенсивнее становилось духовное видение, противостоявшее им. Из этих записей мы узнаем, что мистическое сознание обладает способностью поднимать тех, кто им обладает, на уровень реальности, который не могут нарушить никакая борьба, никакая жестокость; даровать уверенность, которую не может разрушить никакая катастрофа. И все же она не окутывает своих посвященных эгоистичным и потусторонним спокойствием, не изолирует их от боли и усилий обычной жизни. Скорее, это придает им новую жизненную силу, оказывая воздействие на человеческий дух не как некоторые полагают, а как на самый мощный из стимуляторов. Пребывающий в вечных

реальностях, этот дух будет гораздо лучше способен выдержать суровую дисциплину, к которой сейчас призвана раса, и извлечь из нее пользу, чем те, кто полностью находится во власти событий; он будет лучше способен отличать реальное от иллюзорного и выносить суждения о новых проблемах, новых трудностях, новых сферах деятельности, которые теперь открываются. Возможно, стоит напомнить себе, что две женщины, оставившие глубочайший след в военной истории Франции и Англии - Жанна д'Арк и Флоренс Найтингейл, - обе действовали под мистическим принуждением. То же самое сделал и один из благороднейших современных солдат, генерал Гордон. Их национальная ценность была напрямую связана с их глубоким духовным сознанием: их чрезвычайно практическая энергия была цветами созерцательной жизни.

Нам часто говорят, что в критические периоды истории главное - национальная душа: "там, где нет видения, народ погибает". Ни одна нация не потерпит настоящего поражения, если сохранит свое духовное самообладание. Ни одна нация не одержит настоящей победы, если не выйдет из нее с незапятнанной душой. Если это так, то частью истинного патриотизма становится поддержание духовной жизни, как отдельного гражданина, так и социальной группы, активной и энергичной; ее видение реальности незапятнано запутанными интересами и страстями того времени. Это задача, в которой каждый может внести свой вклад. Духовная жизнь - это не особая карьера, предполагающая абстрагирование от мира вещей. Это часть жизни каждого человека; и пока он не осознал этого, он не является полноценным человеческим существом, не вступил во владение всеми своими силами. Следовательно, функция практического мистицизма состоит в том, чтобы увеличивать, а не уменьшать общую эффективность, мудрость и стойкость тех, кто пытается его практиковать. Это поможет им более полно, чем когда-либо прежде, включиться в жизнь группы, к которой они принадлежат. Это научит их видеть мир в более истинных пропорциях, различая вечную красоту за кажущейся безжалостностью. Это воспитает в них милосердие, свободное от всякого налета сентиментальности; это дарует им непобедимую надежду; и уверит их в том, что даже в час величайшего опустошения "В глубине души живет самая дорогая свежесть". Таким образом, в качестве вклада в достижение этих целей сейчас публикуется эта небольшая книга. Она не адресована ни ученым, ни набожным людям, которые уже владеют обширной литературой, рассматривающей с разных точек зрения опыт и философию мистиков. Таких читателей предупреждают, что они не найдут здесь ничего, кроме повторного изложения элементарных и знакомых положений и приглашения к изучению дисциплины, имеющей незапамятную историю. Я далек от мысли поучать тех, кому информация из первых рук доступна и приятна на вкус, я пишу только для более широкого класса людей, которых отталкивает грозное появление более сложных работ на эту тему, но которые все же хотели бы знать, что подразумевается под мистицизмом и что он может предложить обычному человеку: как это помогает решать его проблемы, как это согласуется с обязанностями и идеалами его активной жизни. По этой причине я не предполагаю, что мои читатели что-либо знают об этом предмете ни с философской, ни с религиозной, ни с исторической стороны. Также, поскольку я хочу, чтобы мой призыв был общим, я не настаиваю на особых притязаниях какой-либо одной теологической системы, какой-либо одной метафизической школы. Я просто попытался простым и нетехническим языком изложить взгляд на вселенную и место человека в ней, общий для всех мистиков, и предложить практические условия, при которых обычные люди могут участвовать в их опыте. Поэтому аномальные состояния сознания, которые иногда проявляются

в связи с мистической гениальностью, не обсуждаются: моя задача ограничивается описанием способности, которой в большей или меньшей степени обладают все люди.

Реальность и важность этой способности рассматриваются в первых трех главах. В четвертой и пятой главах описывается предварительная тренировка внимания, необходимая для ее использования; в шестой - общая самодисциплина и отношение к жизни, которые она включает. В седьмой, восьмой и девятой главах элементарно рассказывается о трех великих формах созерцания; а в десятой рассматривается практическая ценность жизни, в которой они были реализованы. Тех, кто будет достаточно любезен, чтобы попытаться прочесть книгу, просят внимательно прочитать первые разделы, прежде чем переходить ко второй части.

Е. У.

12 сентября 1914 года.

ГЛАВА I

ЧТО ТАКОЕ МИСТИЦИЗМ?

Те, кто интересуется этим особым отношением ко вселенной, которое сейчас условно называется "мистическим", оказываются окруженными множеством людей, которые постоянно спрашивают - некоторые с неподдельным пылом, некоторые с любопытством, а некоторые с презрением - "Что такое мистицизм?" Когда ссылаются на труды самих мистиков и на другие работы, в которых, по-видимому, дается ответ на этот вопрос, эти люди отвечают, что такие книги для них совершенно непонятны.

С другой стороны, подлинный исследователь вскоре обнаружит множество самозванных апостолов, которые стремятся ответить на его вопрос множеством странных и непоследовательных способов, рассчитанных скорее на то, чтобы усилить, чем разрешить помрачение его разума. Он узнает, что мистицизм - это философия, иллюзия, разновидность религии, болезнь; что это означает иметь видения, показывать фокусы, вести праздную, мечтательную и эгоистичную жизнь, пренебрегать своим делом, погрязать в смутных духовных эмоциях и быть "в гармонии с бесконечным". Он обнаружит, что это освобождает его от всех догм - иногда от всякой морали - и в то же время что это очень суеверно. Один эксперт говорит

ему, что это просто "католическое благочестие", другой - что Уолт Уитмен был типичным мистиком; третий уверяет его, что весь мистицизм пришел с Востока, и подкрепляет свое утверждение ссылкой на трюк с манго. В конце длительного курса лекций, проповедей, чаепитий и бесед с серьезными людьми все еще можно услышать, как вопрошающий говорит - слишком часто раздраженным тоном: "Что такое мистицизм?"

Я не смею претендовать на решение проблемы, которая в прошлом обеспечивала столько удачной охоты. Действительно, цель этого небольшого эссе состоит в том, чтобы склонить практического человека к единственному удовлетворительному пути: найти ответ для себя. И все же, возможно, это придаст уверенности, если я признаю, что груши покрывают всю землю; или, по крайней мере, всю ту часть земли, которую стоит покрыть. Вряд ли это распространится на трюк с манго, но в нем сразу же найдется место для визионеров и философов, для Уолта Уитмена и святых.

Вот определение:--

Мистицизм - это искусство единения с Реальностью. Мистик - это человек, который достиг этого единения в большей или меньшей степени; или кто стремится к такому достижению и верит в него.

Не ожидается, что спрашивающий найдет большое утешение в этом предложении, когда оно впервые попадется ему на глаза. Главный вопрос: "Что такое Реальность?" - вопрос, который, возможно, никогда раньше не приходил ему в голову, - уже формируется в его уме; и он знает, что это причинит ему бесконечные страдания. Только мистик может ответить на это: и он, в терминах, которые поймут только другие мистики. Поэтому на данный момент практический человек может отложить это в сторону. Все, что его сейчас просят обдумать, так это то, что слово "союз" представляет собой не столько редкую и невообразимую операцию, сколько нечто, что он делает смутным, несовершенным образом в каждый момент своей сознательной жизни; и делает с интенсивностью и тщательностью во всех наиболее значимых моментах этой жизни. Мы познаем вещь, только соединяясь с ней, ассимилируя ее, взаимопроникая между ней и самими собой. Оно отдает себя нам ровно настолько, насколько мы отдаем себя ему; и именно потому, что наше устремление к вещам обычно столь поверхностно и вяло, наше понимание вещей тоже столь поверхностно и вяло. Великий суфий, сказавший, что "Паломничество к месту мудрости - это спасение от пламени разлуки", говорил буквальную правду. Мудрость - плод общения; невежество - неизбежная доля тех, кто "держится особняком" и стоит особняком, судя и анализируя то, чего они никогда по-настоящему не знали.

Поскольку патриот отдал себя ей, "соединился" с ней, он знает свою страну, художник знает предмет своего искусства, влюбленный - свою возлюбленную, святой - своего Бога таким образом, который непостижим и недостижим для стороннего наблюдателя. Истинное знание, поскольку оно всегда подразумевает более или менее интенсивную интуитивную симпатию, гораздо точнее выражается символами осязания и вкуса, чем символами слуха и зрения. Истинно, аналитическая мысль быстро следует за контактом, восприятием, единением: и мы, в своей бестолковости, убедили себя, что это существенная часть знания - что на самом деле приготовить зайца важнее, чем поймать его. Но когда мы избавляемся от этой иллюзии и возвращаемся к более примитивным действиям, посредством которых наша ментальная кухня получает свои припасы, мы видим, что различие между мистиком и немистиком - это не просто различие между рационалистом и мечтателем, между интеллектом и интуицией. Вопрос,

который на самом деле разделяет их, заключается в следующем: за что из массы предлагаемого ему материала ухватится сознание - с какими аспектами Вселенной оно должно "объединиться"?

Общеизвестно, что операции обычного человеческого сознания объединяют "я" не с вещами такими, какие они есть на самом деле, а с образами, представлениями, аспектами вещей. Глагол "быть", который он употребляет так легкомысленно, на самом деле неприменим ни к одному из объектов, среди которых, как полагает практичный человек, он обитает. Для него заяц Реальности всегда наготове: он не представляет себе живое, прекрасное, дикое, быстро передвигающееся существо, принесенное в жертву для того, чтобы его накормили прискорбным блюдом, которое он называет "вещами такими, какие они есть на самом деле". Действительно, отделение его сознания от фактов бытия настолько полно, что он не испытывает чувства потери. Он достаточно счастлив, "понимая", украшая, ассимилируя тушу, из которой был изгнан принцип жизни и роста и из которой сохранились только самые перевариваемые порции. Он не "мистик".

Но иногда ему кажется, что его знания не столь основательны, как он предполагал. У философов, в частности, есть способ указать на его неуклюжий и поверхностный характер; продемонстрировать тот факт, что человек обычно принимает свои личные ощущения за качества, присущие таинственным объектам внешнего мира. Из тех немногих качеств цвета, размера, текстуры и остального, которые его разум смог зарегистрировать и классифицировать, он создает ярлык, который отражает сумму его собственного опыта. Это он знает, с этим он "соединяется"; ибо это его собственное творение. Это аккуратное, плоское, неизменное, с четко очерченными краями: вещь, которой можно доверять. Он забывает о существовании других сознательных существ, наделенных своими собственными стандартами реальности. И все же море таким, каким его ощущает рыба, огуречник таким, каким его видит пчела, замысловатые звуки живой изгороди, которые слышит кролик, воздействие света на жадный лик первоцвета, пейзаж, знакомый в своих просторах мокрице и муравью, - все эти переживания, в которых ему навсегда отказано, имеют такое же право на атрибут Бытия, как и его собственные частичные и субъективные интерпретации вещей.

Поскольку тайна ужасна для нас, мы по большей части согласились жить в мире ярлыков; делать из них текущую монету опыта и игнорировать их чисто символический характер, бесконечную градацию ценностей, которые они искажают. Мы просто не пытаемся соединиться с Реальностью. Но время от времени этот символический характер внезапно возвращается к нам. Какая-нибудь сильная эмоция, какое-нибудь опустошающее видение красоты, любви или боли поднимает нас на другой уровень сознания; и мы на мгновение осознаем разницу между аккуратным набором отдельных объектов и переживаний, которые мы называем миром, и высотой, глубиной, широтой того живого, растущего, изменяющегося Факта, частями которого являются мысль, жизнь и энергия и в котором мы "живем, движемся и существуем". Тогда мы осознаем, что вся наша жизнь опутана великими и живыми силами; ужасными, потому что неизвестными. Даже сила, которая таится в каждом ведерке для угля, сияет в электрической лампе, пыхтит в моторном омнибусе, заявляет о себе в невыразимых чудесах размножения и роста, сверхчувственна. Мы лишь ощущаем его результаты. Более священный уровень жизни и энергии, который, кажется, проявляется в силах, которые мы называем "духовными" и "эмоциональными" - в любви, тоске, экстазе, обожании, - тоже скрыт от нас. Симптомы, видимости - это все, что может различить наш интеллект: внезапные непреодолимые вторжения

этого, все, что могут воспринять наши сердца. Материал для более насыщенной жизни, более широкого, острого сознания, более глубокого понимания нашего собственного существования лежит у наших ворот. Но мы отделены от него, мы не можем его ассимилировать; за исключением ненормальных моментов, мы едва ли осознаем, что это такое. Теперь мы начинаем придавать, по крайней мере, фрагментарный смысл утверждению о том, что "мистицизм - это искусство единения с Реальностью". Мы видим, что утверждение такого поэта, как Уитмен, о том, что он мистик, заключается в том факте, что он достиг страстного единения с более глубокими уровнями жизни, чем те, с которыми мы обычно имеем дело, - отбросило сложившееся представление к Факту: утверждение такой святой, как Тереза, связано с ее заявлением о том, что она достигла единения с самой Божественной Сущностью. Визионер является мистиком, когда его видение открывает ему реальность, недоступную чувствам. Философ является мистиком, когда он выходит за пределы мысли к чистому постижению истины. Активный человек становится мистиком, когда он знает, что его действия являются частью более великой деятельности. Блейк, Плотин, Жанна д'Арк и Иоанн Креста - есть звено, которое связывает все это вместе; но если он хочет воспользоваться им, исследователь должен найти это звено сам. Все четыре проявляют различные формы работы созерцательного сознания; способность, которая присуща всем людям, хотя немногие берут на себя труд развивать ее. Их внимание к жизни изменило свой характер, заострило фокус: и в результате они видят, одни шире ландшафт, другие более яркий, более значительный, более детализированный мир, чем тот, который очевиден менее образованному, менее наблюдательному взгляду здравого смысла. Старая история о Глазастых и Безглазых - это на самом деле история о мистических и немистических типах. "Безглазый" сосредоточил свое внимание на том факте, что он обязан прогуляться. Для него главным фактором существования является его собственное передвижение по дороге; передвижение, которое он намерен выполнять с максимальной эффективностью и комфортом. Он просит не знать, что может быть по обе стороны изгороди. Он игнорирует ласку ветра, пока тот не угрожает сорвать с него шляпу. Он тащится вперед, уверенно, старательно; избегая грязных луж, но не обращая внимания на свет, который они отражают. "Еyes" тоже совершает прогулку: и для него это постоянное откровение красоты и чуда. Солнечный свет опьяняет его, ветры восхищают, само усилие в путешествии доставляет радость. Магические существа толпятся на обочинах дорог или выкрикивают ему приветствия из скрытых полей. Богатый мир, по которому он движется, лежит на переднем плане его сознания, и на каждом шагу он открывает ему новые тайны. "Безглазый", когда ему рассказывают о его приключениях, обычно отказывается верить, что оба пошли одной дорогой. Ему кажется, что его спутник парил в воздухе или его одолевали приятные галлюцинации. Мы никогда не убедим его в обратном, пока не убедим его поискать себя.

Следовательно, практический человек здесь приглашен к практическому мистицизму: к тренировке своих скрытых способностей, к укреплению и прояснению своего вялого сознания, к освобождению от оков видимости, к обращению своего внимания на новые уровни мира. Таким образом, он может начать осознавать вселенную, которую духовный художник всегда пытается раскрыть человечеству. Такой уровень мистического восприятия - это "обычное созерцание", как называют это специалисты, - возможен для всех людей: без него они не являются ни полностью сознательными, ни полностью живыми. Это естественная человеческая деятельность, не более требующая великих сил и возвышенных переживаний святых-мистиков

и философов, чем обычное наслаждение музыкой требует особых творческих способностей великого музыканта.

Как прекрасное существует не только для художника и поэта - хотя они могут найти в нем более пронзительные глубины смысла, чем другие люди, - так и мир Реальности существует для всех; и все могут участвовать в нем, объединяться с ним в соответствии со своей мерой, силой и чистотой своего желания. "Ибо призрачные небеса, - говорит *Облако Неведения*, - так же близки внизу, как и вверху, и вверху, как внизу; позади, как и впереди, как и позади, с одной стороны, как и с другой. Поскольку у того, у кого было истинное желание попасть на небеса, то в то же самое время он был на небесах призрачным. Ибо высший и последующий путь туда проложен желаниями, а не поступью ног". Следовательно, никто, кроме своей собственной гордыни, лени или извращенности, не обречен на ужасы того, что Блейк назвал "единым видением" - постоянного и безраздельного внимания к непрерывному кинематографическому представлению, которое разум в сговоре с чувствами поставил между нами и миром живых.

ГЛАВА II

МИР РЕАЛЬНОСТИ

Практичный человек может справедливо заметить в этот момент, что мир единого видения - единственный мир, который он знает: что он кажется ему реальным, прочным и самосогласованным; и что до тех пор, пока ему не станет ясным существование - по крайней мере, вероятность - других планов реальности, все разговоры об объединении с ними - не более чем бред, который подтверждает его мнение о мистицизме как игре, годной только для праздных женщин и низших поэтов. Таким образом, очевидно, что первая задача миссионера - вызвать, если он может, некоторое чувство неудовлетворенности миром, в котором всегда жил и действовал практичный человек; намекнуть что-нибудь на его фрагментарный и субъективный характер. Поэтому мы возвращаемся к дальнейшему исследованию трюизма - столь очевидного для тех, кто является философом, и столь раздражающего тех, кто им не является, - что человек при нормальных условиях обитает в мире воображения, а не в мире фактов; что вселенная, в которой он живет и на которую он смотрит, является всего лишь конструкцией, которую разум создал из нескольких имеющихся в его распоряжении материалов.

Отношение этой вселенной к миру фактов мало чем отличается от отношения между картиной на гобелене и сценой, которую она имитирует. Вы, практичный человек, вынуждены ткать свой образ внешнего мира на жесткой основе вашего собственного менталитета, который постоянно навязывает свои собственные условности и ограничивает свободное представление о жизни. Как рисунок на гобелене, каким бы разнообразным и наполненным смыслом он ни был, в конечном счете сводится к маленьким квадратикам; так и мир здравого смысла в конечном счете сводится к ряду статичных элементов, обусловленных механизмом мозга. Тонкие изгибы, быстрое движение, тонкие градации, которые не могут передать механизмы. Они не учитываются. Из бесчисленных предложений, из клубка разноцветной шерсти, который преподносит вам реальный мир, вы тут же выхватываете одно. Из них вы сплетаете вместе те, которые наиболее полезны, наиболее очевидны, наиболее часто повторяются: они образуют аккуратный и связный узор, если смотреть на него с правой стороны. Замыкаясь на этой символической картине, вы вскоре приобретаете привычку относиться к ней так, как будто это не изображение, а вещь. На ней вы фиксируете свое внимание; с ней вы "объединяетесь". И все же, если бы вы посмотрели не с той стороны, на множество коротких концов, неуклюжих соединений и заплат, эта простая философия могла бы быть нарушена. Вы были бы вынуждены признать условный характер картины, которую вы так искусно создали, массовую трату материала, затраченного на ее создание: ибо лишь немногие из всего богатства впечатлений, которые мы получаем, улавливаются и включаются в нашу картину мира. Далее, вам может прийти в голову, что небольшое изменение ритма чувств предоставит в ваше распоряжение совершенно новый диапазон материала; откроет ваши глаза и уши для звуков, цветов и движений, которые теперь неслышимы и невидимы, удалит из вашей вселенной те, которые вы теперь рассматриваете как часть установленного порядка вещей. Даже нити, которыми вы воспользовались, могли быть объединены каким-то другим способом; катастрофическими результатами для "мира здравого смысла", но без какого-либо умаления их собственной реальности.

Вы также не можете рассматривать сами эти нити как окончательные. Как самый благоразумный логик мог бы рискнуть вывести из мотка шерсти вероятное существование овцы, так и вы, исходя из необработанного материала восприятия, можете рискнуть вывести вселенную, которая превосходит репродуктивные возможности вашего ткацкого станка. Даже камера фотографа, более склонная к созерцанию, чем человеческий разум, показала нам, насколько ограничены в некоторых направлениях эти способности, и просветила нас относительно нескольких грубых ошибок человека, который принимает ее продукцию за чистую монету; или, как он сказал бы, верит собственным глазам. Это показало нам, например, что скачущая скаковая лошадь с вытянутыми ногами, какой мы привыкли ее видеть, - мифическое животное, вероятно, основанное на ментальном образе бегущей собаки. Ни одна лошадь никогда не скакала таким галопом, но ее реальное действие слишком быстро для нас, и мы объясняем это себе как нечто напоминающее более обдуманное действие собаки, которое мы уловили и зарегистрировали, когда она проходила мимо. Вселенная простого человека полна скаковых лошадей, которые на самом деле являются бегущими собаками; обычных волн, впервые увиденных на картинках, а затем воображаемых на море; психологических ситуаций, взятых из книг и примененных к человеческой жизни; расовых особенностей, обобщенных на основе недостаточных данных, а затем "обнаруженных" в действительности; теологических диаграмм и научных "законов", отброшенных на фон вечности, как изображение волшебного фонаря отражается на экране.

Цветная сцена, на которую вы смотрите с таким доверием, на самом деле, во многом обязана своим характером деятельности провидца: тому процессу мышления, концепции, созерцания, избежать которого Китс молился с таким пылом, когда он воскликнул словами, которые покажутся вам, в зависимости от настроения вашего ума, либо приглашением к высшей лени, либо одним из самых глубоких стремлений души: "О, ради жизни, полной ощущений, а не мыслей!" Он чувствовал - как и все поэты чувствовали вместе с ним, - что другой, более прекрасный мир, окрашенный невообразимыми чудесами, наполненный непревзойденной музыкой, ждет тех, кто сможет освободиться от оков разума, отложить челнок и ткацкую расческу и выйти за пределы концептуального образа к интуитивному контакту с Вещью.

Есть определенные счастливые случайности, которые обладают способностью на мгновение ввести человека в этот более богатый и жизненный мир. Они останавливают, как сказал один старый мистик, "колесо его воображения", ужасную энергию его способности создавать образы, сплетая и трансмутируя входящие чувственные послания. Они отрывают его от ткацкого станка и ставят лицом к лицу с тем, кто Отличается от него самого, откуда берутся материалы для его производства. В эти часы человеческое сознание восходит от мысли к созерцанию; начинает, по крайней мере, осознавать мир, в котором обитают мистики; и на мгновение воспринимает, как Св. Августин говорил: "свет, который никогда не меняется, выше ока души, выше интеллекта". По сути, это переживание можно было бы назвать "абсолютным ощущением". Это чистое чувственное состояние, в котором фрагментарные контакты с Реальностью, достигаемые с помощью органов чувств, сливаются в целостность общения, которое чувствует и познает все сразу, но таким образом, который разум никогда не может понять, ту Тотальность, фрагменты которой познаются любящим, музыкантом и художником. Если бы двери восприятия были очищены, сказал Блейк, все предстало бы человеку таким, какое оно есть, - Бесконечным. Но двери восприятия опутаны паутиной мысли; предрассудками, трусостью, ленью. Вечность с нами, постоянно приглашая к созерцанию, но мы слишком напуганы, ленивы и подозрительны, чтобы откликнуться: слишкомвысокомерны, чтобы успокоить свои мысли и позволить божественному ощущению взять свое. Нам нужны трудолюбие и добрая воля, если мы хотим совершить этот переход, поскольку процесс включает в себя настоящую генеральную уборку души, переворачивание и перестановку мебели в нашем сознании, широкое открытие закрытых окон, чтобы звуки диких птиц за пределами нашего сада доносились до нас, полностью заряженные чудом и свежестью, и заглушали своей музыкой шум граммофона внутри. Те, кто делает это, обнаруживают, что они жили в душном мире, в то время как их наследием был мир утренней славы; где каждая синица - небесный вестник, а каждый пробивающийся бутон наполнен всей значимостью жизни.

Многие будут испытывать определенный скептицизм относительно возможности предлагаемого им здесь предприятия; благоразумное нежелание жертвовать своей старой, уютно обставленной вселенной ради простого обещания, что взамен они получают новые небеса и новую землю. Эти осторожные люди, возможно, хотели бы напомнить себе, что видение мира, представленное нам всеми великими художниками и поэтами - теми созданиями, само существование которых показалось бы нам таким странным, если бы мы к ним не привыкли, - постоянно демонстрирует многоуровневый характер человеческого сознания; новые миры, которые ожидают его, как только оно освободится от тирании тех трудосберегающих приспособлений, с которыми оно обычно работает. Оставляя в стороне более тонкие представления, которые мы называем "духовными", даже картины старых китайских рисовальщиков и современных импрессионистов, Ватто и Тернера, Мане, Дега и Сезанна; стихи

Блейка, Вордсворта, Шелли, Уитмена - эти и бесчисленные другие убеждают вас, что их создатели наслаждались непосредственным общением не с каким-то смутным миром фантазии, но с видимым естественным порядком, которого вы никогда не знали. Они схватили и вплели в свои картины нити, которые никогда вам не представлялись; значимые формы, которые ускользают от вас, тона и отношения, к которым вы слепы, живые факты, для которых в вашем обычном мире нет места. Своими работами они доказывают, что Блейк был прав, когда говорил, что "дурак видит не то дерево, которое видит мудрый человек"; и что психологи, настаивая на избирательном действии разума, на том факте, что наши предубеждения управляют характером нашей вселенной, всего лишь учат наиболее очевидным истинам. Если бы вы отнеслись к ним серьезно, как следовало бы, их пылкие репортажи вполне могли вызвать у вас отвращение из-за тупого и узкого характера вашего собственного сознания.

Что же тогда отличает мировоззрение великих поэтов и художников от высокомерного субъективизма здравого смысла? Его отличают невинность и смирение. Эти люди ничего не предвосхищают, ничего не критикуют. В какой-то степени их отношение ко Вселенной такое же, как у детей: и поскольку это так, они в такой степени участвуют в Небесах Реальности. В какой-то мере они оправдали чаяния Китса, они действительно живут жизнью, в которой акцент делается на ощущениях, а не на мысли: ибо состояние, которое он тогда пытался описать, было тем идеальным состоянием чистой восприимчивости, совершенного соответствия сущности вещей, которым обладают все художники и которым, по-видимому, обладали несколько великих мистиков - не совсем полностью, но в такой степени, которая делала их, как они говорят, "единными с Реальностью вещей". Чем больше художник, тем шире и глубже диапазон этого чистого ощущения: тем острее он осознает поток жизни и очарования, богатое изобилие возможных красот и форм. Он всегда хочет проникать все глубже и глубже, позволить своему восприятию расширяться все шире и шире; пока он не объединится со всей той Реальностью, которую он ощущает вокруг себя и частью которой является его собственная жизнь. На самом деле он всегда стремится перейти от художественного состояния к мистическому. Таким образом, в художественном опыте, в постоянных усилиях художника воплотить в жизнь идеал, выраженный Китсом, мы можем найти отправную точку для нашего исследования созерцательной жизни.

Что бы это значило для души, которая действительно захватила ее; эта жизнь, в которой акцент должен делаться на непосредственном восприятии, на посланиях, которые мир изливает на нас, а не на сложной вселенной, в которую наш умный мозг преобразует их? Очевидно, это означало бы достижение новой вселенной, нового порядка реальности: побег из ужасного музейного мира повседневной жизни, где все классифицировано и снабжено ярлыками, а все упорядоченные текущие факты, на которые нет ярлыков, игнорируются. Это означало бы невообразимую для нас невинность глаза и слуха; страстное созерцание чистой формы, свободной от всех значений, которыми ее облек разум; возвращение утраченных тайн прикосновения и аромата, самых чудесных среди путей восприятия. Это означало бы обмен аккуратного концептуального мира, созданного нашими мыслями, огороженного прочными валами возможного, на непостижимое богатство того мира без стен, из которого мы его выкли. Это означало бы, что мы должны получать от каждого цветка не просто прекрасный образ, к которому прикреплен ярлык "цветок", но полное воздействие его невообразимой красоты и чуда, непосредственное ощущение единения с жизнью: что запахи затихающего дождя, голос деревьев, густая мягкость шерсти котенка, терпкий привкус щавеля на языке сами по себе

должны быть глубокими, завершенными и простыми переживаниями, вызывающими простоту отклика в наших душах.

Понимаемая таким образом жизнь в чистом ощущении - это пища и питье поэзии и один из наиболее доступных путей к тому единению с Реальностью, которое мистик объявляет нам самой целью жизни. Но поэт должен брать это живое вещество прямо с полей и рек, без изощренности, без критики, как берут жизнь души прямо с алтаря; с благоговением, не допускающим анализа. Он не должен подвергать его приготовлению, процессу фильтрации в мозге. Именно потому, что он знает, как избежать этой ужасающей изощренности Реальности, потому что его отношение ко вселенной определяется высшими художественными достоинствами смирения и любви, поэзия является тем, что она есть: и я включаю в круг поэтического искусства цветную поэзию художника, а также бессловесную поэзию музыканта и танцора.

В этом месте критически настроенный читатель, несомненно, выдвинет возражение. "Вы призывали меня, - скажет он, - ни больше ни меньше, как довериться своим чувствам, и в этом тоже полагаетесь на авторитет этих непрактичных мечтателей - поэтов. Сейчас общеизвестно, что наши чувства обманывают нас. Это знает каждый; и даже ваши собственные замечания уже говорят об этом. Как же тогда полное и некритичное принятие моих ощущений может помочь мне слиться с Реальностью? Многие из этих ощущений мы разделяем с животными: в некоторых животные явно превосходят нас. Не хотите ли вы предположить, что мой терьер, вынюхивающий дорогу в нескоординированной вселенной, лучший мистик, чем я?"

На это я отвечу, что контакты терьера с миром, несомненно, грубы и несовершенны; однако он действительно сохранил прямоту восприятия, которую вы утратили. Он улавливает настоящий запах и реагирует на него, а не на понятие или название. Конечно, чувства, если принимать их за чистую монету, действительно обманывают нас: однако обман кроется не столько в них самих, сколько в том концептуальном мире, который мы настаиваем построить на основе их сообщений и за который возлагаем на них ответственность. Они меньше обманывают нас, когда мы получаем эти сообщения сырыми и несекретными, как простой и непосредственный опыт. Затем, за особыми и несовершенными заиканиями, которые мы называем цветом, звуком, ароматом и прочим, мы иногда различаем *целостный факт* - одновременно божественно простой и бесконечно разнообразный, - из которого исходят эти частичные послания; и который стремится как бы выразить себя в них. И когда это так, мы чувствуем, что факт, замеченный таким образом, имеет огромное значение; придавая тому аспекту мира, который мы способны воспринять, все значение, весь характер, которым он обладает. Чем больше в нас от художника, тем более интенсивным будет казаться это значение, этот характер: тем более полным также будет наше убеждение в том, что наше беспокойство, расплывчатость наших реакций на вещи были бы излечены, если бы мы достигли факта и объединились с ним, а не с нашим представлением о нем. И именно такого акта единения, достигнутого по очищенным каналам чувств и не загрязненного содержанием мысли, достигает великий художник или поэт.

В этих словах нам кажется, что мы далеко ушли от мистика и того созерцательного сознания, с помощью которого он восходит к соприкосновению с Истиной. На самом деле, мы просто рассматриваем это сознание в его наиболее естественной и доступной форме: ибо созерцание - это, с одной стороны, неотъемлемая деятельность всех художников; с другой стороны, искусство, посредством которого те, кто решает изучать и практиковать его, могут в какой-то

фрагментарной степени, в соответствии со своей мерой, приобщиться к особому опыту мистика и поэта. Благодаря этому они могут достичь того девственного взгляда на вещи, той небесной силы единения с истинной жизнью, которая приходит, когда то, что мы называем "ощущением", освобождается от тирании того, что мы называем "мыслью". Художник - не больше и не меньше, чем созерцатель, научившийся выражать себя и выражающий свою любовь цветом, речью или звуком: мистик, с одной стороны своей натуры, - художник особого и возвышенного типа, который пытается выразить что-то из полученного им откровения, является посредником между Реальностью и расой. В игре "отдавай", которая происходит между человеческим сознанием и внешним миром, оба научились делать акцент на послании извне, а не на своей собственной реакции на него и его перестройке. Оба сменили ложное воображение, которое втягивает ощущения и интуицию "я" в свой собственный узкий круг и там искажает и трансформирует их, на истинное воображение, которое изливает себя, нетерпеливое, предприимчивое и самоотверженное, навстречу большей вселенной.

ГЛАВА III

ПОДГОТОВКА МИСТИКА

Здесь практичный человек, естественно, спросит: "И, скажите на милость, как я собираюсь это сделать? Как мне отделить себя от искусственного мира, к которому я привык?" Где тот тормоз, который остановит колесо моего воображения?

Я отвечаю: вы собираетесь сделать это с помощью образовательного процесса; тренировки, первые этапы которой, действительно, будут достаточно сложными. Вы уже признали необходимость такой ментальной тренировки, таких преднамеренных избирательных действий в отношении более мелких вопросов жизни. Вы охотно тратите время и деньги на то, чтобы сузить и обострить внимание, которое вы называете "бизнес-тренингом", "юридическим образованием", "овладением научным методом". Но это новое начинание будет включать в себя развитие и тренировку слоя вашего сознания, который в прошлом оставался незанятым; приобретение метода, которым вы никогда раньше не пользовались. Разумно, даже обнадеживающе, что для этого необходимы упорный труд и дисциплина: что это должно потребовать от вас если не отречения от монастыря, то, по крайней мере, преимуществ поля для гольфа.

Воспитание мистического чувства начинается с самоупрощения. Чувствующее, желающее, видящее "я" должно перейти от разнообразного и аналитического к простому и синтетическому: предложение, которое может вызвать затрудненное дыхание и потирание бровей у практичного человека. И все же именно вам, практичному человеку, читающему эти страницы, когда вы мчитесь по метро к практической работе по перестановке неважных фрагментов вашей вселенной, адресовано это послание, столь необходимое в ваше время - или, скорее, из-за нехватки времени -. Для вас, бессознательного аналитика, вы так заняты чтением рекламы на стенке вагона, что едва замечаете этапы своего непрерывного бегства: вы так жадно поглощаете крошки, что никогда не поднимаете глаз на буханку. Суть мистического созерцания суммируется в этих двух переживаниях - единении с потоком жизни и единении с Целым, в котором возобновляются все меньшие реальности, - и эти переживания вполне доступны вам. Хотя вполне вероятно, что обвинение вызовет у вас раздражение, на самом деле вы уже потенциальный созерцатель: ибо этот поступок, как учил святой Фома Аквинский, присущ всем людям - это, действительно, характерная человеческая деятельность.

Более того, вполне вероятно, что вы тоже являетесь или были настоящим созерцателем. С вами никогда не случилось на мгновение потерять себя в стремительном и приносящем удовлетворение переживании, для которого вы не нашли названия? Когда мир стал каким-то странным, и вы бросились ему навстречу, испытывая одновременно ликование и стыд? Разве не было момента, когда вы заключили в объятия леди, которая сейчас заказывает вам ужин, и она внезапно объяснила вам всю вселенную? вселенная настолько велика, заряжена такой ужасающей интенсивностью, что с тех пор вы едва осмеливаетесь думать о ней. Вы помните тот ужасный момент на концерте, когда вы совершенно не осознавали, что сидите в удобном кресле за семь шиллингов и шесть пенсов? Это были приступы непроизвольного созерцания; внезапное приоткрытие концептуальной завесы. Осмелитесь ли вы назвать их наименее значимыми моментами вашей жизни? Разве вы тогда, подобно африканскому святому, не "трепетали от любви и ужаса", хотя у вас и не было ярлыка для того, что вы обожали?

Вам не поможет говорить об этих переживаниях как о "простой эмоции". Затем простая эмоция ввела вас в мир, который вы признали более значимым - в высшем смысле, более рациональным, - чем тот, в котором вы обычно обитаете: мир, обладающий целостностью, значением, превосходящим сумму его частей. Простая эмоция тогда поставила вас на колени, сделала вас одновременно гордым и смиренным, показала вам ваше место. Это упростило и объединило существование: оно убрало мелкие случайности и украшения, которые постоянно отвлекают наше рассеянное внимание, и собрало все ваше существо в единое состояние, которое ощущало и знало Реальность, которую ваш разум не мог постичь. Такая эмоция - движущая сила духа, величественная и высшая вещь: и таковым это ощущал ваш самый сокровенный обитатель, пока ваши глаза были открыты свету.

Теперь то упрощающее действие, которое является предварительным для всего мистического опыта, то собирание разрозненных частичек личности в *одно*, которым на самом деле являетесь вы - в "единство вашего духа", как говорят мистики, - великие силы любви, красоты, чуда, горя могут совершать для вас время от времени. Они волей-неволей поднимают вас от рассмотрения деталей к созерцанию Всего: переводят вас из опрятного мира образов в невыразимый мир фактов. Но это мимолетные и неуправляемые переживания, которые с ужасающей силой обрушиваются на душу. Готовы ли вы к тому, что ваше участие в Реальности будет полностью зависеть от этих неисчислимых посещений: от внезапного ветра и дождя, которые омыают

ваши окна и впускают видение пейзажа у ваших ворот? Вы можете, если хотите, оставить эти окна чистыми. Вы можете, если решите направить свое внимание таким образом, научиться смотреть в них. Таковы две великие фазы в воспитании каждого созерцателя, и на языке мистиков они называются очищением чувств и воли.

Те, кому посчастливилось пережить в одной из его многочисленных форм кризис, называемый "обращением", захвачены, как им кажется, какой-то силой, более сильной, чем они сами, и волей-неволей повернуты в нужном направлении. Они обнаруживают, что эта непреодолимая сила очистила окна от их домашнего налета грязи; и они смотрят наружу, в буквальном смысле, на новые небеса и новую землю. Долгая спокойная работа по приспособлению, которую должны предпринять другие, прежде чем какая-либо уверенность вознаградит их, для них сконцентрирована в одном жестоком разрушении и перестройке "я", которое теперь может начать свой истинный путь соответствия Реальности, которую оно восприняло. К людям такого типа я обращаюсь не сам, а скорее к обычному трудолюбивому исследователю жизни, который должен достичь той же цели более постепенным путем.

Что это такое, что затуманивает окна чувств? Мысль, условности, личный интерес. Мы набрасываем туман мысли между собой и внешним миром: и сквозь него мы различаем, как в темном стекле, то, что мы привыкли видеть. Мы видим это так, как видят это наши соседи; иногда сквозь розовую пелену, иногда сквозь серую. Религия, несварение желудка, педантичность или недовольство могут закрывать стекла. Яркие цвета модной школы искусств могут испачкать их. Неизбежно также, что мы видим узкий мир, который показывают нам наши окна, не "сам по себе", а в связи с нашими собственными потребностями, настроениями и предпочтениями; которые осуществляют избирательный контроль над теми немногими аспектами целого, которые проникают в поле сознания и диктуют порядок, в котором мы их размещаем, поскольку вселенная естественного человека строго эгоцентрична. Мы продолжаем давать имена живым существам со всей безмятежной уверенностью Адама: и как бы мы их ни называли, это и есть их имя. Если только нам не посчастливится стать художниками - и то редко, - мы никогда не узнаем "увиденную вещь" в ее чистоте; никогда, от рождения до смерти, не смотрим на нее незаинтересованными глазами. Наше видение и понимание этого определяется всем, что мы приносим с собой и смешиваем с этим, образуя смесь, с которой может иметь дело разум. "Очистить" чувства - значит освободить их, насколько это возможно для человеческих существ, от тирании эгоцентрических суждений; сделать из них органы непосредственного восприятия. Это означает, что мы должны подавить нашу глубоко укоренившуюся страсть к классификации и соответствиям; игнорировать инстинктивный, эгоистичный вопрос: "Что это значит для меня?" учитесь погружаться во вселенную у наших врат и познавать ее не извне путем понимания, а изнутри путем самослияния.

Ричард Сен-Викторский сказал, что сутью всякого очищения является самоупрощение; устранение ненужного и нереального, запутанности сознания: и мы должны помнить, что, когда эти учителя духовной жизни говорят о чистоте, в их умах нет тонкого, абстрактного представления о правилах поведения, лишенных всякой окраски и состоящих в основном из отказов, таких как более современный, более сухой аскетизм. Их чистота - это утвердительное состояние; нечто сильное, чистое и кристальное, способное к полному приспособлению к целостности мира, населенного Богом. Чистая душа подобна линзе, из которой удалены все неуместности и наросты, все лучи и пылинки эгоизма и предрассудков; так что она может

отражать ясный образ единого Трансцендентного Факта, внутри которого заключены все остальные факты.

"Все, что я отнял у тебя, Я только взял,
Не во вред тебе,
А просто для того, чтобы ты мог искать это в Моих объятиях".

Все детали существования, все удовольствия сердца и ума возобновляются в этом Трансцендентном Факте, подобно тому, как все цвета спектра включены в белый свет: и мы лучше всего овладеваем ими, выходя за их пределы, возвращаясь от множества к Единому.

"Простой глаз" Созерцания, о котором так много говорят писатели-мистики, является, таким образом, синтетическим чувством, которое видит тот белый свет, в котором есть все цвета, без отдельного анализа его свойств. Простое ухо, различающее небесную мелодию, слышит тот Тон, в котором возобновляется вся музыка; таким образом достигается та экстатическая жизнь "ощущения без мысли", которую Китс считал субстанцией истинного счастья.

Но вы, практичный человек, прожили все свои дни среди иллюзий множественности. Хотя вы каждое мгновение используете свою врожденную склонность к синтезу и упрощению, поскольку только это создает видимость порядка в вашей вселенной, - хотя то, что вы называете зрением и слухом, само по себе является великими объединяющими действиями, - все же ваше внимание к жизни было намеренно настроено на мир расточительных ценностей и призматически преломленных огней: полный несовместимых интересов, людей, принципов, вещей. Амбиции и привязанности, вкусы и предрассудки борются за ваше внимание. Ваше бедное, обеспокоенное сознание мечется туда-сюда среди них; оно стало беспокойным и сложным. В этот самый момент ваши мысли жужжат, как пчелиный рой. Сведение этого воспаленного комплекса к единству кажется задачей, превышающей все человеческие возможности. И все же ситуация для вас не так безнадежна, как кажется. Все это происходит только на периферии ума, где он соприкасается с миром видимости и реагирует на него. В центре царит тишина, которую даже вы не в состоянии нарушить. Там ритм вашей продолжительности един с ритмом Вселенской Жизни. Там существует ваше сущностное "я": постоянное существо, которое сохраняется в потоке и изменении ваших сознательных состояний и позади них. Один или два раза вы были захвачены этим центром. Сознательно направьте свое сознание внутрь, к нему. Отступите к той точке, откуда проистекают все различные направления вашей деятельности и к которой, в конце концов, они должны вернуться. Поскольку это единственное из всего, что вы называете своей "самостью", обладает вечной реальностью, то, несомненно, разумно ознакомиться с его особенностями и силами. "Займите свое место в сердце тысячелепесткового лотоса", - восклицает восточный провидец. "Держись за свой центр, - говорит его брат-христианин, - и все будет твоим". Это практический рецепт, а не благочестивое увещание. Это может показаться вам абсурдным, но вы можете сделать это, если пожелаете: как бы отстраниться от расплывчатых и бесцельных реакций, на которые большинство людей растрчивает свою жизненную энергию. Тогда вы сможете с определенным спокойствием, определенной отстраненностью обзирать свою вселенную и возможности жизни в ней; сможете также различить, если вы вообще склонны к мистическим приключениям, этапы дороги, по которым вы должны пройти на своем пути к гармонии с Реальностью.

Эта вселенная, эти возможности гораздо богаче, но в то же время гораздо проще, чем вы предполагали. Если смотреть с точки зрения истинного центра личности, а не с обычной точки зрения личных интересов, то их разрозненные части выстраиваются по порядку: вы начинаете воспринимать те постепенные уровни Реальности, с которыми может соединиться очищенное и усиленное сознание. Точно так же дорога спланирована более логично, состоит из более понятных этапов, чем готовы поверить те, кто живет в мире единого видения.

Парадокс человеческой жизни, часто наблюдаемый даже самыми конкретными и лишенными воображения философами, заключается в том, что человек, кажется, балансирует между двумя противоречивыми представлениями о Реальности. Два плана существования - или, возможно, два способа постижения существования - лежат в пределах возможного диапазона его сознания. Та великая пара противоположностей, которую метафизики называют Бытием и Становлением, Вечностью и Временем, Единством и Множественностью, и другие имеют в виду, когда говорят о Духовном и Естественном Мирах, представляет две крайние формы, в которых он может осознать вселенную. Величайшие люди, те, чье сознание расширено до предела, могут постичь, осознавать и то, и другое. Они знают, что живут как в отдельных, проявленных, постоянно изменяющихся частях и видимостях, так и в Целом Факте. Они в полной мере реагируют и на то, и на другое: для них нет конфликта между местническим и патриотическим чувствами. Более того, глубокий инстинкт иногда убеждает их, что внутренняя пружина или секрет этого Целостного Факта является также внутренней пружиной и секретом их индивидуальной жизни: и что здесь, в этом третьем факторе, устраняются дисгармонии между частью и целым. Как они знают, что живут в мире времени и все же способны превзойти его, так и Высшая Реальность, в которой, как они думают, обитают, но которая непостижимым образом превосходит все, что они знают, - как душа музыканта контролирует и превосходит не только каждую ноту струящейся мелодии, но и всю ту симфонию, в которой эти каденции должны играть свою роль. Та неуязвимая искра живой жизни, тот "внутренний свет", который эти люди находят в своих собственных центрах, когда они ищут его, является для них залогом Нетварного Света, невыразимого великолепия Бога, пребывающего в сердце вещей и питающего его энергией: ибо эта искра одновременно едина со Вселенской Душой, но и отделена от нее.

Итак, человек в лице своих величайших и наиболее живых представителей чувствует, что он имеет неявное соответствие трем уровням существования, которые мы можем назвать Естественным, Духовным и Божественным. Следовательно, путь, по которому он должен идти, мистическое образование, которое он должен получить, должны последовательно соединять его с этими тремя мирами, расширяя его сознание до точки, в которой он обнаруживает их сначала как три, а затем, наконец, как Один. При нормальных обстоятельствах даже первый из них, естественный мир Становления, присутствует для него - если только он не художник - лишь смутно и фрагментарно. Он, конечно, осознает временной порядок, непрерывные изменения и движение, рождение, рост и смерть, частью которых он является. Но восторг и великолепие этого нескончаемого потока, который в Индии называют Забавой Бога, едва ли достигают его понимания; он слишком занят своими собственными мелкими движениями, чтобы ощутить все течение потока.

Но при тех ненормальных обстоятельствах, которых мы коснулись, в фокус попадает более глубокий уровень его сознания; он слышит музыку окружающих вещей. Затем он поднимается, благодаря своему осознанию великой жизни Природы, к знанию того, что он является частью другой, более великой жизни, превосходящей преемственность. В это погружен его дух

длительности. Здесь для него хранятся все высшие ценности существования: и именно из-за его существования в этой Вечной Реальности, его патриотического отношения к ней усилия и переживания мира времени имеют для него значение. Именно с точки зрения, достигнутой, когда он осознает свои контакты с этим высшим порядком, он может ясным взором художника или мистика увидеть Мир Становления как таковой - распознать его пропорции - даже проникнуться каким-то слабым предчувствием его высшей ценности. Итак, если он хочет быть целостным человеком, если он хочет осознать все, что скрыто в его человечности, он должен актуализировать свои отношения с этим высшим планом Бытия: и он сделает это, как мы видели, путем упрощения, путем преднамеренного отвода внимания от сбивающего с толку многообразия вещей, преднамеренного смиренного отказа от своего создающего образы сознания. Он уже обладает в той точке сосредоточения личности, которую древние писатели иногда называли "вершиной", а иногда "основанием" души, средством общения с Реальностью. Но этот духовный принцип, эта точка сбора его самости - это как раз тот аспект его личности, который наиболее удален от активного поверхностного сознания. Он относится к нему так, как занятой гражданин относится к своим национальным памятникам. Это есть, это важно, обладание, которое придает достоинство его существованию; но у него никогда не хватает времени войти внутрь. И все же, как очищенное чувство, очищенное от предрассудков и своекорыстия, может передавать нам мимолетные сообщения из реально разрушенного мира длительности у наших врат, так и очищенная и образованная воля может полностью отвлечь внимание "я" от его обычной концентрации на мелких полезных аспектах мира времени, отказаться реагировать на его постоянно поступающие сообщения, отступить к единству своего духа и там подготовить себя к сообщениям с другого плана. Это процесс, который мистики называют Воспоминанием: первая стадия в тренировке созерцательного сознания.

Таким образом, мы начинаем понимать, что задача единения с Реальностью будет включать определенные этапы подготовки, а также этапы достижения; и эти этапы подготовки - для одних бескорыстных душ легкие и быстрые, для других долгие и полные боли - могут быть сгруппированы под двумя названиями. Во-первых, дисциплинирование и упрощение внимания, которое является сутью Воспоминания. Далее, дисциплинирование и упрощение привязанностей и воли, ориентация сердца; это иногда называют грозным именем Очищения. Таким образом, практический мистицизм простого человека лучше всего будет понят им как пятиступенчатая схема обучения и роста, в которой первые две стадии готовят "я" к единению с Реальностью, а последние три последовательно объединяют его с Миром Становления, Миром Бытия и, наконец, с тем Предельным Фактом, который философ называет Абсолютом, а религиозный мистик - Богом.

МЕДИТАЦИЯ И ВОСПОМИНАНИЕ

Воспоминание, искусство, которому сейчас предлагается научиться практическому человеку, по сути своей есть не что иное, как подчинение внимания контролю воли. Следовательно, это не является чисто мистической деятельностью. В той или иной форме это требуется от всех, кто хотел бы получить контроль над своими собственными ментальными процессами; и представляет собой или должен представлять собой первый великий шаг в воспитании человеческого сознания. Однако человек настолько ленив во всем, что касается его высших способностей, что мало кто вообще сознательно берется за это образование. Они довольствуются тем, что вступают в контакт с вещами с помощью расплывчатой, нерегулируемой силы, всегда склонной прогуливать занятия, всегда склонной подводить их. Если их не подтолкнет к этому та страсть к высшим вещам, которая выражается в религии, философии или искусстве, они редко узнают секрет добровольной концентрации ума.

Поскольку интересы философа в основном объективны, а художник редко размышляет о своих собственных процессах, мы, в конце концов, вынуждены идти к посвященному в религию, если хотим научиться проходить это обучение самостоятельно. Религиозный созерцатель имеет для нас еще одну привлекательность: он также по своей природе миссионер. Видение, которого он достиг, - это видение сильно любящего сердца; и любовь, которая не может держать себя в руках, побуждает его рассказывать новости так широко и так ясно, как он может. В своих работах он постоянно пытается раскрыть секрет своей собственной более глубокой жизни и более широкого видения и помочь своим собратьям разделить его: поэтому он предлагает самые ясные, упорядоченные и практичные учения об искусстве созерцания, которые мы, вероятно, найдем. Правда, наша цель в попытках овладеть этим искусством может показаться нам сильно отличной от его цели: хотя, если мы доведем соответствующие принципы до конца, мы, вероятно, обнаружим, что они привели нас к тому месту, к которому он стремился с самого начала. Но метод на его ранних стадиях должен быть одним и тем же; называем ли мы Реальность, являющуюся объектом наших поисков, эстетической, космической или божественной. Спортсмен должен развивать почти те же мышцы, выдерживать почти ту же дисциплину, в какую бы игру он ни собирался играть.

Итак, мы отправимся прямо к святой Терезе и спросим ее, каким методом она учила своих дочерей собираться вместе, улавливать и удерживать позицию, наиболее благоприятную для общения с духовным миром. Она говорит нам - и здесь она согласуется с великой традицией христианских созерцателей, традицией, которая развивалась под давлением длительного опыта, - что этот процесс постепенный. Метод, который следует использовать, - это медленное, терпеливое усвоение материала, который с годами стал неразрешимым; а не внезапный легкий поворот ума в новом направлении, чтобы он мог послужить новому увлечению "мистическим взглядом на вещи". Воспоминание начинается, по ее словам, с осознанной и регулярной

практики медитации - совершенно естественной формы умственного упражнения, хотя поначалу и трудного.

Итак, медитация - это нечто среднее между мышлением и созерцанием: и как дисциплина, она черпает свою главную ценность в этом переходном характере. Настоящая мистическая жизнь, которая является подлинно практической жизнью, начинается с самого начала; не со сверхъестественных действий и экстатических предчувствий, а с обычных способностей нормального человека. "Я не требую от вас, - говорит Тереза своим ученикам в медитации, - формировать в вашем понимании великие и любопытные соображения: я требую от вас не более чем *посмотреть*".

Можно подумать, что такой взгляд на духовный мир, простой, напряженный, без умствования - такое раскрытие Ока Вечности - был сущностью самого созерцания: и действительно, одно из лучших определений описывает это искусство как "любящий взгляд", "вглядывание в небеса призрачным взором". Но от "я", которое все еще находится на этой ранней стадии пути к Реальности, не требуется смотреть на что-то новое, заглядывать в глубины вещей: только смотреть новым и очищенным взглядом на обычные интеллектуальные образы, ярлыки и формулы, "объекты" и идеи - даже на внешние символы, - среди которых оно всегда обитало. Он еще не развит до созерцания новых пейзажей: он способен только заново изучить обстановку своего дома и приобрести в результате этого упражнения навык и контроль над вниманием, которые впоследствии будут применены для более важных целей. Его задача здесь состоит в том, чтобы *рассмотреть* это убранство, как викторианцы называли эту предварительную подготовку: взглянуть на него с более звездной стороны: отойти от земного вихря и понаблюдать за ходом вещей.

Затем возьмите идею, объект из числа обычных и удерживайте их перед своим умом. Выбор достаточно велик: все живые существа могут найти предметы для медитации по своему вкусу, ибо за каждой частностью мысли, какой бы конкретной она ни казалась, кроется универсальное, и в самых рациональных положениях медитативный взор может уловить проблеск мечты.

- У Разума есть луны, но луны не ее
Лежат зеркально на ее море,
Сбивая с толку ее астрономов
, Но, о, восхищая меня".

Даже те объекты, которые служат нашей чувственной жизни, вполне могут использоваться и для подпитки нашего духа. Кто не наблюдал за сосредоточенными медитациями уютно устроившегося кота, размышляющего о Абсолютной Мыши? Вы, если у вас есть философский склад ума, можете выйти за пределы таких относительных взглядов на Реальность и попытаться медитировать на Время, Последовательность, даже на само Бытие: или снова на человеческие взаимоотношения, рождение, рост и смерть, на цветок, реку, различные гобелены неба. Даже ваша собственная эмоциональная жизнь обеспечит вас идеями любви, радости, мира, милосердия, конфликта, желания. Вы можете варьировать, вместе с Кантом, от звезд до морального закона. Если ваша очередь обратиться к религии, перед вами открыта самая богатая и вызывающая воспоминания область: от гипсовых изображений до таинств Веры.

Но, поскольку выбор сделан, его необходимо удерживать и защищать во время медитации от всех вторжений извне, какими бы коварными ни были их посягательства, какой бы "духовной" ни была их маскировка. Над этим нужно размышлять, пристально вглядываться, хвататься за него снова и снова, поскольку отвлекающие факторы, кажется, вырывают его из ваших рук. Неугомонная скука, мрачная убежденность в собственной неспособности вскоре нападут на вас. Этому тоже нужно противостоять на острие меча. Первые четверть часа, проведенные таким образом в попытках медитации, действительно будут временем борьбы; это должно, по крайней мере, убедить вас, насколько неуправляемо, насколько плохо образовано ваше внимание, насколько жалко неэффективна ваша воля, насколько вы далеки от власти над своей собственной душой. Это также должно убедить наиболее здравомыслящих философов в различии между реальным временем, истинным потоком продолжительности, которым является жизнь, и последовательностью секунд, столь тщательно отмеряемых часами. Никогда прежде поток не тек так медленно, и пятнадцать минут не тянулись так долго. Сознание перешло на более длительный, медленный ритм и еще не приспособилось к его торжественному маршу.

Но, стремясь к этому новому равновесию, намереваясь достичь его, вы вскоре обнаружите, что действительно - хотя и не знаете, каким образом - вышли на новый уровень восприятия, изменили свое отношение к вещам.

Во-первых, предмет вашей медитации начинает, когда вы поддаетесь его влиянию, проявлять неожиданный смысл, красоту, силу. Постоянный рост значимости идет в ногу с увеличением внимания, которое вы обращаете на это; того внимания, которое является единственным источником всех ваших опасений, как физических, так и ментальных. Она перестает быть тонкой и абстрактной. Вы как бы погружаетесь в его глубины, отдыхаете в нем, "соединяетесь" с ним; и в этом спокойном, сосредоточенном общении узнаете что-то о его глубине, широте и высоте, подобно тому, как мы узнаем о наших друзьях при непосредственном общении.

Более того, по мере того, как ваша медитация будет становиться глубже, она будет защищать вас от постоянных нападений внешнего мира. Вы услышите напряженный гул этого мира как отдаленную внешнюю мелодию и поймете, что вы в некотором роде отстранены от него. Вы установили кольцо тишины между собой и им; и вот! в этой тишине вы свободны. Вы будете смотреть на цветную сцену, и она покажется вам тонкой и бумажной: всего лишь одно из бесчисленных возможных изображений более глубокой жизни, пока недоступной вам. И постепенно вы придете к осознанию сущности, *Вас*, который таким образом может держаться на расстоянии вытянутой руки, осознавать, смотреть на идею - вселенную - отличную от него самого. Этим добровольным болезненным актом концентрации, этим первым шагом по лестнице, ведущей, как сказали бы мистики, от "множественности к единству", вы в какой-то степени отстраняете себя от того единения с нереальностями, с представлениями и концепциями, которое до сих пор вас удовлетворяло; и сразу же меняются все ценности существования. "Путь к "Да" лежит через "Нет"." Вы, в этом предварительном движении воспоминания, говорите свое первое осознанное "Нет" претензиям, которые мир видимости предъявляет на полное обладание вашим сознанием: и таким образом делаете возможным некоторый контакт между этим сознанием и Миром Реальности.

Теперь обратите этот новый очищенный и универсальный взгляд обратно на себя.

Понаблюдайте за своим собственным существом в новом отношении к вещам и охотно

отдайтесь настроениям удивления, смирения, радости - возможно, глубокого стыда или внезапной любви, - которые вторгаются в ваше сердце, пока вы смотрите. Делая это терпеливо, день за днем, постоянно возвращая блуждающее внимание, постоянно возобновляя борьбу за простоту видения, вы, наконец, обнаружите, что внутри вас есть что-то - что стоит за капризной, противоречивой жизнью желаний, - что вы можете вспомнить, собрать, сделать эффективным для новой жизни. Вы, на самом деле, знают свою душу впервые: и узнаете, что есть смысл в том, что это настоящий *Вы* - это отличие от, чужой внутри, мир в котором вы окажетесь, как актер, уже в другой жизни, когда он не на сцене. Когда вы не просто верите в это, но знаете это; когда вы достигли этой способности отстраняться, проводить это первое грубое различие между видимостью и реальностью, начальная стадия созерцательной жизни выиграна. Это не намного большее достижение, чем то первое гордое усилие, при котором ребенок на мгновение встает вертикально, а затем возвращается к более естественному и удобному ползанию: но в нем заложена та же вера в будущее развитие.

ГЛАВА V

САМОНАСТРОЙКА

Итак, в какой-то мере вы нашли себя: отступили за всю эту текучую внешность, за это занятое, неустойчивое сознание с его настроениями и навязчивыми идеями, с его лихорадочной сменой интереса и апатии, с его конфликтами и иррациональными импульсами, которые даже психологи ошибочно принимают за Вас. Благодаря этому акту воспоминания вы обнаружили в своем сокровенном святилище существо не совсем практичное, которое отказывается быть удовлетворенным вашей напряженной жизнью в соответствии с миром нормальных людей и жаждет общения с духовной вселенной. И это нечто, столь чуждое вашему поверхностному сознанию, но знакомое ему и неразрывно связанное с ним, вы признаете как истинное "Я", существование которого вы всегда считали само собой разумеющимся, но о котором вы знали до сих пор только в его разрозненных проявлениях. "Это и есть ты".

Это восхождение на гору самопознания, говорили викторианские мистики, является необходимой прелюдией ко всякому просветлению. Только на его вершине мы обнаруживаем, как это сделал Данте, начало пути к Реальности. Это одинокая и трудная экскурсия, достаточное испытание мужества и искренности, ибо большинство людей предпочитают

пребывать в комфортном неведении на нижних склонах и там превращать свои более очевидные черты в покров, который прикрывает голую правду. Истинное и полное самопознание, действительно, является привилегией только сильнейших. Немногие могут вынести созерцание самих себя лицом к лицу; ибо видение это странное и ужасное, и несет за собой благоговейный трепет и раскаяние. Жизнь провидца оно меняет навсегда. Он обращается в самом глубоком и решительном смысле; вынужден по-новому относиться к себе и ко всем другим вещам. Вполне вероятно, что если бы вы действительно узнали себя - увидели свой собственный тусклый характер, постоянно находящийся во власти окружения; свои истинные мотивы, подвергнутые проверке и сопоставленные с вечными ценностями; свое непризнанное потакание своим желаниям; свою иррациональную любовь и ненависть - вы были бы вынуждены перестроить все свое существование и впервые стать практичным человеком.

Но вы сделали все, что могли, в этом направлении; наконец-то открыли свое собственное более глубокое существо, свою вечную искру, источник всех ваших контактов с Реальностью. Вы часто читали об этом. Теперь вы встретились с этим; точно знаете, что это есть. Что дальше? Какие изменения, какие перестройки повлечет за собой для вас это самораскрытие?

Вы, вероятно, заметили, что по мере того, как с практикой ваше знакомство с состоянием воспоминания возрастало, тип сознания, который оно приносит с собой, тип отношения, которого оно от вас требует, резко противоречат сознанию и отношению, которые вы находили столь подходящими для вашей обычной жизни в прошлом. Они заставляют это старое отношение казаться детским, недостойным, наконец, абсурдным. Этим первым осознанным усилием обратить внимание на Реальность вы сразу же сталкиваетесь лицом к лицу с тем ужасным откровением дисгармонии, нереальности и внутренней неразберихи, которое прямолинейные моралисты называют "убеждением в грехе". Никогда больше не нужно будет этим моралистам указывать вам на врожденную глупость вашего искреннего стремления к непостоянным вещам: на вашу торжественную сосредоточенность на игре в преуспевание. Тем не менее, это отношение сохраняется. Снова и снова вы возвращаетесь к этому. Если вы хотите приспособиться к своему новому видению мира, необходимо нечто большее, чем осознание. Эта игра, в которую вы играли так долго, сформировала и обусловила вас, развивая определенные качества и восприятие, оставляя остальное в бездействии: так что теперь, когда вас внезапно попросили сыграть в другую, требующую свежих движений, бдительности иного рода, ваши ментальные мышцы неподатливы, ваше внимание отказывается реагировать. Ничто меньшее не поможет вам здесь, чем та радикальная перестройка характера, которую мистики называют "Очищением", вторая стадия подготовки человеческого сознания к участию в Реальности.

Дело не просто в том, что ваш интеллект усвоил, объединился с поверхностным и нереальным взглядом на мир. Гораздо хуже: ваша воля, ваше желание, совокупность вашей энергии были направлены не в ту сторону, запряжены не в ту машину. Вы привыкли к мысли, что хотите или должны хотеть определенных ничего не стоящих вещей, определенных определенных позиций. Годами ваше сокровище находилось на Фондовой бирже, или в Палате общин, или в Салоне красоты, или в рецензиях, которые "действительно имеют значение" (если они еще существуют), или в гостиных Мэйфэра; и туда постоянно стремится ваше сердце. Привычка держит вас в своих цепях. Вы не свободны. Пробуждение, таким образом, вашего более глубокого "я", которое не знает привычек и не желает ничего, кроме свободного соответствия

Реальному, сразу же пробуждает вас к факту дисгармонии между простыми, но неумолимыми стремлениями и инстинктами погребенного духа, которые теперь начинают заявлять о себе в часы вашей медитации - как бы выталкиваясь к свету - и различными изменчивыми, но настойчивыми стремлениями и инстинктами поверхностного "я". Между этими двумя невозможен мир: они конфликтуют на каждом шагу. Вам становится очевидным, что заявление Плотина, принятое или повторяемое всеми мистиками относительно "высшей" и "низшей" жизни и существующего между ними раскола, имеет определенное оправдание даже в опыте обычного человека.

Этот великий мыслитель и экстатик сказал, что вся человеческая личность, таким образом, двойственна: таким образом, она способна соответствовать двум порядкам существования. "Высшая жизнь" всегда стремилась к единению с Реальностью, к объединению себя в Единое Целое. "Низшая жизнь", созданная для соответствия внешнему миру многообразия, всегда имела тенденцию к падению вниз и растрачиванию сил "я" среди внешних вещей. Это всего лишь повторение в терминах практического существования факта, который Воспоминание вернуло нам домой: человеческое "я" является переходным, ни ангелом, ни животным, способным жить либо в Вечности, либо воВремени. Но одно дело создавать красивые теории на эти темы; другое, когда неразрешенный дуализм вашей собственной личности (хотя вы можете и не давать ему такого звучного названия) становится основным фактом сознания, постоянно заявляет о себе как о жизненно важной проблеме и отказывается присваивать академические звания.

Такое положение вещей означает острый дискомфорт, который возникает, когда тебя тянут в две стороны одновременно. Тревожное колебание внимания между двумя несовместимыми идеалами, попеременное убеждение, что в жизни, какой вы всегда жили, есть что-то неправильное, порочное, отравляющее, и что-то безнадежно неземное в той жизни, которой хочет жить ваш сокровенный обитатель, - эти неприятные ощущения становятся все сильнее и сильнее. Сначала заявляет о себе то одно, то другое. Вы отчаянно колеблетесь между их привлекательностью и их притязаниями; и не будете иметь покоя, пока эти притязания не будут удовлетворены, а очевидное противостояние между ними не разрешится. Теперь вы уверены, что для человеческого сознания возможна другая, более длительная и более "разумная" жизнь, чем та, на которую оно обычно тратит себя. Но вам также ясно, что вы сами должны быть чем-то большим или иным, чем вы есть сейчас, если хотите достичь этой жизни, жить в ней и дышать ее воздухом. Во время кратких приступов воспоминаний у вас было первое мимолетное видение того плана бытия, который Августин называл "страной мира", "красотой старой и новой". Вы навсегда знаете, что она существует: что то реальное, что есть внутри вас, принадлежит ей, может жить в ней, вас все время приглашают и соблазняют к ней. Фактически, вы начинаете чувствовать и осознавать каждой клеточкой своего существа мистическую потребность в "единении с Реальностью"; и понимать, что естественная картина, которую вы приняли с таким доверием, не может обеспечить соответствия, к которому вы стремитесь.

Тем не менее, именно соответствию этому естественному порядку вы отдавали в течение многих лет все свое внимание, свое желание, свою волю. Поверхностное "я", оставленное так долго в бесспорном владении полем сознания, окрепло и приклеилось, как пиявка, к скале очевидного; с радостью обменивая свободу на кажущуюся безопасность и создавая из более конкретных элементов, предлагаемых ему богатым потоком жизни, защитную оболочку "фиксированных идей". Бесполезно ласково разговаривать с пиявкой. Вы должны отсоединить ее с помощью

силы. Эта старая комфортная цепляющаяся жизнь, защищенная своей твердой скорлупой от живых морских вод, теперь должна подойти к концу. Конфликт того или иного рода - отказ от старых привычек, старых представлений, старых предрассудков - здесь неизбежен для вас; и решение относительно формы, которую должны принять новые приспособления.

Итак, хотя в общих чертах мы можем рассматривать отношение практического человека к существованию как подобную пивке приверженность нереальному, все же, с другой точки зрения, постоянство цели и желаний - последнее, что мы можем ему приписать. Его ум полон маленьких водоворотов, изгибов и течений, конфликтующих систем, несовместимых желаний. Одно за другим он сосредоточивает себя на честолубии, любви, долге, дружбе, общественных условностях, политике, религии, личном интересе в одной из бесчисленных его форм; делая из каждого ядро, вокруг которого выстраиваются целые разделы его жизни. Одна за другой эти вещи либо подводят его, либо поработают. Иногда они становятся навязчивыми идеями, искажающими его суждения, сужающими его кругозор, окрашивающими все его существование. Иногда у них развиваются противоречивые характеры, которые вовлекают его в общественные трудности, личные компромиссы и всякого рода самообман. Они разделяют его внимание, растрачивают его силы. Такое положение дел, которое обычно считается "активной жизнью", начинает приобретать другой оттенок, если смотреть на него простым взглядом медитации. Затем мы замечаем, что мир простого человека находится в замешательстве только потому, что он попытался объединить его основные интересы вокруг себя как вокруг центра; а он недостаточно силен и умен для этой работы. Он устроил жалкий маленький водоворот в могучей Реке Становления, нарушив - как он воображает, в своих собственных интересах - ее равномерное течение: и внутри этого водоворота находятся многочисленные мелкие комплексы и встречные течения, среди которых его воля и внимание мечутся туда-сюда в состоянии постоянного беспокойства. Человек, добившийся успеха в своей жизни в любой области, - это тот, кто выбрал что-то одно из этих притязаний и интересов и посвятил этому всю свою энергию сердца и воли; "объединившись" вокруг этого и изнутри сопротивляясь всем встречным притязаниям. У него одна цель, один центр; он уничтожил второстепенные и упростил себя.

Итак, художник, первооткрыватель, философ, влюбленный, патриот - истинный энтузиаст любой формы жизни - может достичь полной реальности, доступ к которой дает его особое искусство или страсть, только бесчисленными отказами. Он должен уничтожить меньшие центры интереса, чтобы вся его воля, любовь и внимание могли излиться на то особое проявление красоты и значимости вселенной, к которому он привлечен, ухватиться за него, соединиться с ним. Точно так же преднамеренное самоупрощение, "очищение" сердца и воли требуется от тех, кто хочет развить форму сознания, называемую "мистической". Вся ваша сила, вся ваша решимость необходимы, если вы хотите добиться успеха в этом приключении: не должно быть никакой растраты энергии, никакого смещения мотивов. Мы много слышим о мистическом темпераменте, мистическом видении. Мистический характер гораздо важнее, и его главными составляющими являются мужество, чистота сердца и самоконтроль. Дисциплина аскетизма в значительной степени направлена на совершенствование этих воинских добродетелей, а не на выработку благочестивой мягкости; и аскетический фундамент, в той или иной форме, является единственной прочной основой разумной созерцательной жизни.

Вы не сможете, пока не успокоитесь, не обретете равновесие и не начнете сопротивляться некоторым из бесчисленных требований, которые мир явлений постоянно предъявляет к вашему вниманию и вашим желаниям, широко использовать новую силу, которую открыло вам

Воспоминание; и само это Воспоминание, пока оно остается просто предметом внимания и не вовлекает сердце, не лучше психического трюка. Следовательно, как плод ваших первых попыток самопознания, вы посвящаете себя преднамеренной - вероятно, трудной - перестройке своего характера; суровому курсу самодисциплины, добровольным действиям выбора, с одной стороны, и отказа - с другой, которые писатели-аскеты описывают под грозными названиями Отрешенности и Умерщвления плоти. Под Непривязанностью они подразумевают вытеснение пиявки из ее расщелины; отказ привязывать себя к материальным вещам, рассматривать существование с личной точки зрения или путать обычай с необходимостью. Под Умерщвлением они подразумевают разрешение бурных водоворотов и течений ваших собственных конфликтующих страстей, интересов, желаний; искоренение всех тех тенденций, которые осудило бы мирное видение Воспоминаний и которые создают фундаментальное противостояние между вашей внутренней и внешней жизнью.

Что же тогда, в конечном счете, является источником этого противодействия; истинной причиной вашего беспокойства? Причина кроется не в какой-либо реальной несовместимости интересов временного и вечного порядков, которые являются всего лишь двумя аспектами одного Факта, двумя выражениями одной Любви. Она заключается исключительно в вас самих; в вашем отношении к миру вещей. Вы поработаны глаголом "иметь": все ваши реакции на жизнь состоят из корпоративных или индивидуальных требований, appetites, хотений. Та "любовь к жизни", о которой мы иногда говорим, - это в основном любовь к шкафу. Мы быстро хватаем ее за лодыжки, когда она запирает дверь кладовой: поступок, который мы называем пессимизмом. Мистику незнакомо такое требовательное отношение. Он говорит нам снова и снова, что "он избавился от всех своих просьб"; что "отныне жар обладания никогда больше не будет опалять его". Сравни это с твоим нормальным отношением к миру, практичный человек: с твоей спокойной уверенностью в том, что ты в пределах своих прав, выдвигая требования "я, для Себя, мое"; с твоей привычкой, если ты религиозен, спрашивать о погоде и правительстве, которые тебе нужны, убеждать Высшие Силы проявлять особый интерес к твоему национальному или личному здоровью и процветанию. Как часто в течение каждого дня вы намеренно возвращаетесь к позиции бескорыстного обожания? И все же это единственная позиция, при которой возможно истинное общение со вселенной. Самой главной движущей силой вашей деятельности является потребность либо в постоянном обладании тем, что у вас есть, либо в чем-то, чего у вас пока нет: богатстве, почестях, успехе, социальном положении, любви, дружбе, комфорте, развлечениях. Вы чувствуете, что имеете право на некоторые из этих вещей: на определенное признание ваших способностей, на определенный иммунитет от неудач или унижений. Вас возмущает все, что противостоит вам в этих вопросах. Вы становитесь беспокойным, когда видите, что другие "я" более искусны в игре приобретения, чем вы сами. Вы крепко удерживаете от всех желающих свою долю добычи. Вы скорее склонны уклоняться от скучных обязанностей и непривлекательного, неоплачиваемого труда; жадны до удовольствий и азарта, преданы искусству хорошо проводить время. Если вы обладаете социальным чувством, вы требуете этих вещей не только для себя, но и для своего племени - домашней или расовой группы, к которой вы принадлежите. Эти склонности, настолько обычные, что их почти не замечают, были названы нашими грубыми предками Семью Смертными Грехами: Гордыней, Гневом, Завистью, Алчностью, Лению, Обжорством и Похотью. Возможно, вы предпочли бы назвать их - как это и есть на самом деле - семью распространенными формами эгоизма. Они представляют собой естественные реакции на жизнь эгоцентричного человеческого сознания, поработанного "миром множественности"; и

представляют собой абсолютные барьеры для его постижения Реальности. Пока эти предрасположенности управляют характером, мы никогда не сможем видеть или чувствовать вещи такими, какие они есть; но только такими, какие они затрагивают нас самих, нашу семью, нашу партию, наш бизнес, нашу церковь, нашу империю - "Я", "Меня", "Мое" в их более узких или более широких проявлениях. Только отстраненное и очищенное сердце может рассматривать все вещи - иррациональную жестокость обстоятельств, пытки войны, очевидную несправедливость жизни, поступки и верования врага и друга - в истинной пропорции; и со спокойным умом подсчитывать сумму зла и добра. Поэтому мистики постоянно говорят нам, что "самость должна быть убита", прежде чем можно будет достичь Реальности.

"Почувствуй грех куском, ты не знаешь чем, но не чем иным, как *собой*", - говорит *Облако Неведения*. "Когда "Я", "Меня" и "Мое" умирают, работа Господа завершена", - говорит Кабир. Сутью той неправильности действий и отношений, которая составляет "грех", является отделение индивидуального духа от целого; нелепая мания величия, которая делает каждого человека центром его вселенной. Отсюда происходит обращение внутрь и сгущение его энергий и желаний, пока они действительно не образуют "комок"; твердое, плотное ядро, вокруг которого кружатся все течения его существования. Этот тяжелый груз в сердце сопротивляется каждому исходящему импульсу духа; и имеет тенденцию притягивать все вещи внутрь и вниз, к себе, никогда не изливая себя в любви, энтузиазме, самопожертвовании. "До тех пор, - говорится в *"Германской теологии"*, - пока человек ищет свою собственную волю и свое собственное высшее благо, потому что это принадлежит ему и ради него самого, он никогда этого не найдет; ибо до тех пор, пока он делает это, он не ищет своего собственного высшего блага, и как тогда он должен его найти? Ибо до тех пор, пока он делает это, он ищет себя и мечтает о том, что он сам является высшим благом. ... Но всякий, кто ищет, любит и преследует добро, как доброту и ради добра, и ставит это своей целью - ни для чего иного, как из любви к добру, а не из любви к "Я", Ме, Моему "Я" и тому подобному, - он найдет высшее благо, ибо он ищет его правильно, а те, кто ищет его иначе, заблуждаются".

Итак, именно бескорыстие, любовь святого и поэта к вещам ради них самих, видение милосердного сердца является секретом единения с Реальностью и условием всякого истинного знания. Это приносит с собой драгоценное качество гибкости, способность легко и непринужденно откликаться на великие ритмы жизни; и это придет только тогда, когда неуклюжий "комок" греха будет разбит, а глагол "иметь", выражающий его реакцию на существование, будет изгнан из центра вашего сознания. Тогда ваше отношение к жизни перестанет быть коммерческим, а станет художественным. Тогда страж у ворот, тщательно изучающий и сортирующий поступающие впечатления, больше не будет спрашивать: "Какая от этого польза *мне*?", прежде чем впустить ангела красоты или значимости, который требует вашего гостеприимства. Тогда вещи перестанут иметь власть над вами. Вы станете свободными. "Сын, - говорит кемпиец, - ты должен усердно следить за тем, чтобы в каждом месте, в каждом действии или внешнем занятии ты был внутренне свободен и могущественен сам по себе, и все вещи были подчинены тебе, а ты не им; чтобы ты был господином и управляющим своими делами, а не слугой". Поэтому, отвлекая свою волю от ее лихорадочной привязанности к вещам до тех пор, пока "они не окажутся под тобой, а ты не под ними", ты постепенно разрешишь оппозицию между вспоминающей и активной сторонами своей личности. Благодаря усердной самодисциплине, то ментальное отношение, которое мистики иногда называют бедностью, а иногда совершенной свободой - ибо это два аспекта одной вещи - станет для вас возможным. Поднимаясь на гору самопознания и отбрасывая по пути свой лишний багаж, вы, наконец,

достигнете точки, которую они называют вершиной духа; где различные силы вашего характера - грубая энергия, острый интеллект, страстное сердце, - долгое время рассеянные среди тысячи мелких желаний и предпочтений, собираются воедино и становятся сильным и дисциплинированным инструментом, с помощью которого ваше истинное "я" может прокладывать путь все глубже и глубже в сердце Реальности.

ГЛАВА VI

ЛЮБОВЬ И ВОЛЯ

Это постоянное усилие, направленное на упрощение вашего запутанного характера, его постепенное освобождение от оков нереального, не освобождает вас от другой специальной тренировки внимания, к которой приводит усердная практика медитации и воспоминания. Ваше стремление к одному никогда не должно включать пренебрежение другим; ибо это две стороны - моральная, другая ментальная - того уникального процесса самопреодоления, который Рейсбрук называет "собранием сил души в единство духа": объединение всех ваших сил, сосредоточение их в одной точке. Следовательно, они никогда не должны быть разделены ни в теории, ни на практике. Только акт воспоминания, постоянно возобновляемое отступление к тихому центру духа, дает ту уверенность в Реальности, более спокойной и значимой жизни, которой мы можем достичь, которая поддерживает стресс и боль от самоупрощения и позволяет нам надеяться, даже несмотря на жестокость, безразличие, вырождение мира; в то время как одно только усердное формирование характера с его постоянными неустанными усилиями по самонастройке, его укрепляющей, очищающей дисциплиной сдерживает человеческую тенденцию возвращаться к очевидному и реагировать на него, и делает возможным дальнейшее развитие созерцательного мышления. власть.

Итак, именно благодаря этим двум великим изменениям в вашем отношении к вещам - во-первых, изменению внимания, которое позволяет вам воспринимать более истинную вселенную; во-вторых, преднамеренной перестройке ваших идей, энергий и желаний в гармонии с тем, что вы видели, - вам обеспечено прогрессирующее единообразие жизни и опыта, и вы защищены от опасностей ленивой и бесполезной мистичности. Только настоящие, говорят мистики, могут познать Реальность, ибо "мы созерцаем то, что мы есть", вселенная, которую мы видим, обусловлена характером разума, который ее видит: и эта реальность -

поскольку то, что вы ищете, не просто проблеск Вечной Жизни, но полное обладание ею - должна относиться к каждому аспекту вашего существа, к богатой совокупности характера, ко всем "силам души", а не только к какому-то тонкому и изолированному "духовному чувству". Вот почему воспоминание и самоупрощение - восприятие Духовного Мира, в котором мы обитаем, и адаптация к нему - являются существенными приготовлениями к мистической жизни, и ни то, ни другое не может существовать в здоровой и сбалансированной форме без другого. Благодаря им разум, воля, сердце, которые так долго растрачивали свою энергию на тысячи разрозненных представлений, желаний и любовей, постепенно освобождаются от своей прежней исключительной озабоченности эфемерными интересами собственного "я" или группы, к которой принадлежит это "я".

Вы, если будете практиковать их, через некоторое время - возможно, через долгое время, - обнаружите, что тяжелая работа, которую они предполагают, действительно вызвала в вас глубокие и определенные изменения. На смену той жесткости, которую вы привыкли принимать за силу характера, пришла новая гибкость: более легкое отношение к жизненным случайностям. Вся ваша шкала ценностей претерпела безмолвную трансформацию, поскольку вы перестали бороться за себя и считаете ближайший мир единственным, что имеет значение. Вы стали, как сказали бы мистики, "свободны от чрезмерных привязанностей", "жар обладания" больше не опалает вас; и благодаря этому вы обладаете огромной внутренней свободой, чувством простора и покоя. Освобожденные от навязчивых идей, которые так долго управляли ими, воля, сердце и разум теперь устремлены к целям вашего глубочайшего существа: "собранные в единстве духа", они слились, чтобы стать средством, с помощью которого он может действовать.

Какую же форму тогда должно принять это действие? Это должно принять практическую форму, должно выразить себя в терминах движения: стремления наружу всей личности, нетерпеливого и доверчивого протягивания ее к новой вселенной, которая ждет вас. Как все рассеянные мысли были отсечены при воспоминании, как все блуждающие и недостойные желания были убиты упражнениями непривязанности; так и теперь все рассеянные желания, все колебания между инстинктами души, проникающими внутрь, и инстинктами выхода, должны быть проверены и разрешены. Вы должны *давить* изо всех сил: не впитывать идеи, а изливать волю и любовь. С этого "созидательного акта", как назвали бы его психологи, начинается истинная созерцательная жизнь. Видите ли, созерцание не имеет очень тесной связи с мечтательностью и праздными размышлениями: оно больше похоже на интенсивное усилие видения, страстный и самозабвенный акт общения, предполагаемый во всем творческом искусстве. Это, как говорит один древнеанглийский мистик, "слепое намерение, простирающееся ... тайная любовь, устремленная" в направлении Высшей Красоты, вопреки всем препятствиям и противоречиям беспокойного мира: "любовное простираение" к Реальности, как говорит великий Рейсбрук, дальше которого никто не продвинулся на этом пути. Напряжение, пыл - вот его суть: он требует постоянного проявления трудолюбия и мужества.

Мы наблюдаем в подобных определениях странное пренебрежение к тому великолепию человека, Чистому Интеллекту, с помощью которого духовный педант с удовольствием верит, что он может подняться до самых Небес. Создается впечатление, что мистики почти разделяли точку зрения Китса о превосходстве чувства над мыслью и стремились к какому-то новому и более высокому диапазону ощущений, а не к новым и более точным идеям. Они всегда стремятся уверить нас, что самые возвышенные мысли человека о Трансцендентном лишь

немногим лучше его худших: что любящая интуиция - единственный надежный путеводитель.
"Любовью Его можно заполучить и удержать, но мыслью - никогда".

Однако здесь вы не должны впадать в неуклюжую ошибку, предполагая, что вещи, которые находятся за пределами понимания разума, обязательно являются неразумными. Непосредственное чувство, насколько оно истинно, не противостоит высшим результатам мысли, а превосходит их и завершает их. Оно содержит в себе сумму всех процессов, через которые прошла бы мысль в процессе достижения одной и той же цели: предположим, что мысль достигла - чего она не достигла - той высоты, на которой она была способна мыслить на протяжении всего этого пути.

В предварительном акте собирания себя воедино и в тех неустанных исследованиях, посредством которых вы пришли к "знанию и ощущению себя таким, какой вы есть", мысль, несомненно, имела свое место. Там способности к анализу, критике и дедукции нашли работу, которую они могли выполнять. Но теперь это любовь и воля - чувство, намерение, страстное желание - вашего "я", которые будут управлять вашей деятельностью и сделают возможным ваш успех. Мало кто захотел бы выдержать ужасы ухаживания, проводимого на строго интеллектуальной основе: а созерцание - это акт любви, ухаживание, а не критическое изучение Божественной Реальности. Это страстное излияние самих себя навстречу Чему-то Другому, к чему мы испытываем страстное вожделение; поиск, прикосновение и дегустация, а не рассмотрение и анализ прекрасного и истинного, где бы оно ни находилось. Это как бы ответный акт организма на те Внешние Божественные Силы, которые касаются и возбуждают его. Глубокое смирение по отношению к этим Силам, добровольная капитуляция перед их контролем - это первое условие успеха. Мистики много говорят об этих неуловимых контактах, которые все больше ощущаются в душе по мере того, как она становится все более чувствительной к тонким движениям своего духовного окружения.

"Чувство, осязание, вкус, самодовольство и зрение,
Это истинные радости,
Живые, текущие внутрь, тающие, яркие
И небесные удовольствия; все остальное - игрушки;
Все основано на Желании
, Как свет в пламени и тепло в огне".

Но этот новый метод соответствия вселенной не следует отождествлять с "простым чувством" в его низших и наименее упорядоченных формах. Созерцание не означает смиренной капитуляции перед каждым приходящим "мистическим" впечатлением. Вас приглашают не к сентиментальному эстетизму или эмоциональному благочестию, и выход за пределы разума никогда не будет достигнут путем духовной глупости. Все силы "я", поднятые до их наивысшей формы, будут использованы в нем; хотя, возможно, и по-новому. Эти три великие способности - любовь, мышление и волю, - с помощью которых вы привыкли демонстрировать себя на периферии сознания, - вы, так сказать, втянули вовнутрь в ходе вашего внутреннего уединения; и своим воспитанием в непривязанности вылечили их от тенденции растрачивать свои силы среди множества объектов. Теперь, в самом сердце личности, вы наедине с ними; вы держите при себе в этом "Внутреннем Замке", ни на мгновение не отвлекаясь на требования практического существования, три великих инструмента, с помощью которых душа имеет дело с жизнью.

Что касается жизни, которую вы до сих пор считали "нормальной", любовь - понимаемая в самом широком смысле, как желание, эмоциональная склонность - на протяжении всей вашей деятельности направляла вас. Вы что-то делали, к чему-то стремились, чему-то учились, даже страдали, потому что в глубине души вам этого хотелось. Воля выполнила работу, к которой ее подтолкнула любовь: мысль ассимилировала результаты их деятельности и создала для них картины, анализы, "объяснения" мира, с которым им приходилось иметь дело. Но теперь ваша очищенная любовь различает и желает, ваша воля направлена к чему-то, чего мысль на самом деле не может усвоить, а тем более объяснить. "Созерцание, - говорит Рейсбрук, - это знание, которое бесполезно ... При этом вся работа разума терпит неудачу". Этот разум был натренирован иметь дело с материей временного существования. Это превратит ваш опыт познания Вечности в фарш, только если вы дадите ему шанс; урезав, трансформировав, рационализировав это невыразимое видение, пытаясь втиснуть его в символическую систему, с которой может справиться интеллект. Вот почему великие созерцатели снова и снова произносят свое торжественное предупреждение против обманчивости мысли, когда она отваживается иметь дело с духовными интуициями человека; зывая вместе с автором "*Облака неведения*": "Смотри, в твоём работающем уме *ничего* нет, кроме простирающегося голого намерения" - добровольного напряжения твоей постоянно растущей, вечно движущейся личности, стремящейся к Реальному. "Люби и *делай* то, что тебе нравится", - сказал мудрый Августин: простая поверхностная активность так мало значит по сравнению с глубоким мотивом, который ее порождает.

Динамическая сила любви и воли, тот факт, что желание сердца - если оно сильное и усердное - является лучшим залогом возможного исполнения, чем самые изящные теории духовного мира; это постоянная тема всех христианских мистиков. Они думают, что благодаря такой любви были созданы сами миры. Стремясь навстречу Реальности, говорят они нам, мы склонны двигаться навстречу Реальности, входить в ее ритм: смиренно и беспрекословно отдаваясь ей, мы позволяем ей войти в наши души. Этот двойной акт, в котором мы обнаруживаем двойной характер всякой истинной любви - которая одновременно дает и берет, уступает и требует, - обеспечен, если мы будем терпеливы и целеустремленны, конечным успехом. Наконец с нашим невежеством будет покончено; и мы "постигнем" реальное и вечное, как мы постигаем солнечный свет, когда небо свободно от облаков. Поэтому "Поражьте это густое облако неведения острой стрелой страстной любви" - и внезапно оно расступится, обнажив синеву.

"Крушить", "давить", "давить", "бороться" - это сильные слова, и все же они постоянно на устах созерцателей при описании ранних стадий их искусства. Очевидно, что отмена дискурсивного мышления не освобождает вас от обязательств, связанных с промышленностью. Вы должны "с энтузиазмом заряжаться энергией" на новых планах, где вы будете видеть более интенсивно, слышать более интенсивно, осязать и вкушать более интенсивно, чем когда-либо прежде: ибо способы общения, которые эти чувства делают возможными для вас, теперь должны действовать как части единого состояния совершенной интуиции, любящего знания через единение, к которому вы растете. И постепенно вы приходите к пониманию того, что, если это так, именно горячая воля должна быть главным действующим лицом вашего предприятия: воля, которая теперь стала активным выражением ваших глубочайших и чистейших желаний. Вспомнившее и упростившее себя "я" должно собраться в центр и оттуда смотреть - неуклонно, намеренно - глазами любви на мир.

"Смотреть глазами любви" кажется расплывчатой и сентиментальной рекомендацией: тем не менее, в ней заключено все искусство духовного общения, и из этого упражнения вытекают точные и важные результаты. Отношение, которое оно включает в себя, - это отношение полного смирения и восприимчивости; без критики, без умного анализа увиденного. Когда вы смотрите таким образом, вы отказываетесь от своего "Я"; наконец-то смотрите на вещи так, как это делает художник, ради них, а не ради себя самого. Фундаментальное единство, которое есть в вас, достигает единства, которое есть в них: и вы достигаете "Простого видения" поэта и мистика - того синтетического и неискаженного восприятия вещей, которое является антитезой единому видению практических людей. Двери восприятия очищаются, и все предстает таким, какое оно есть. Уродующие результаты ненависти, соперничества, предрассудков исчезают. В то тихое место, куда привели вас воспоминания, из внешнего мира льются новая музыка, новые краски, новый свет. Сознательная любовь, достигающая этого видения, может, даже должна изменяться: "Пока ты жив, ты подвержен изменчивости; да, хотя ты этого и не хочешь!" *Новоля*, которую зажгла эта любовь, может направить внимание в нужное русло. Оно может отказаться возвращаться к нереальным и эгоистичным соответствиям; и продолжать, даже во тьме и в страданиях, которые такая тьма приносит пробужденному духу, выполнять свою назначенную задачу, прорубая путь на новые уровни Реальности.

Следовательно, эта переходная стадия в развитии способностей к созерцанию - в одном смысле завершение их начальной школы, в другом - начало их истинной деятельности - связана с закалкой и дальнейшей тренировкой той воли, которую самоупрощение оторвало от ее прежней сосредоточенности на нереальных желаниях и интересах "я". Слившись с вашей интуитивной любовью, вы станете истинным проводником вашей встречи с Реальностью; ибо это Простое Око Намерения, которое в высшей степени принадлежит вам и, в конечном счете, является творцом вашей вселенной и распорядителем вашей судьбы, есть не что иное, как синтез такой энергичной воли и такого неиспорченного желания, обращенных и удерживаемых в направлении Наилучшего.

ГЛАВА VII

ПЕРВАЯ ФОРМА СОЗЕРЦАНИЯ

Сосредоточенность, воспоминание, глубокая самокритика, успокоение своего занятого поверхностного интеллекта, своих беспокойных эмоций вражды и желания, добровольное достижение позиции бескорыстной любви - этими странными путями теперь был проведен практический человек, чтобы он мог через общение узнать что-то о великой Жизни, в которую он погружен и которую он так долго и успешно игнорировал. Он добился на своем маленьком пути чего-то эквивалентного тем радикальным очищениям, тем поискам перестройки, которые предпринимают героические искатели Реальности; искусству, с помощью которого они побеждают тиранию "я, Меня, мое" и достигают свободы более широкой жизни. Теперь, возможно, он может в какой-то степени разделить то озарение, то расширенное и обостренное восприятие вещей, которое они объявляют наследием освобожденного сознания.

Это освещение должно быть постепенным. Достижение этого зависит не столько от принятой философии или внезапно полученного нового дара видения, сколько от непрерывного изменения и расширения характера; постепенного роста к Реальному, все более глубокой гармонизации жизни "я" с более широкими и всеобъемлющими ритмами существования. Следовательно, оно должно развиваться вширь и вглубь по мере расширения сферы интуитивной любви этого "я". Поскольку ваше собственное практическое сочувствие и понимание других жизней, ваше осознание их может быть сужено и усилено, чтобы включать в себя не более чем семейную группу, или распространиться на ваших коллег по работе, ваш класс, ваш город, партию, страну или религию - даже, возможно, на всю расу - до тех пор, пока вы не почувствуете себя полностью частью этого, двигаясь вместе с ним, страдая вместе с ним и участвуя во всей его сознательной жизни; так и здесь. Слияние с самим собой - постепенный процесс, зависящий от постепенного раскрытия личности. Понимание Реальности, которое вознаграждает за это, тоже постепенное. По сути, это одно непрерывное вытекающее движение к тому безграничному небесному сознанию, где исчезают "пылающие валы", которые закрывают вас от истинного общения со всеми другими "я" и вещами; непрерывный процесс расширения и упрощения, который есть не что иное, как рост духа любви, полный расцвет патриотического чувства. Благодаря этому постоянно обновляющемуся разрушению жестких барьеров индивидуальности, этому добровольному подчинению непреодолимому ритму существования большего, чем существование отдельного человека или даже человеческой группы, - благодаря этому постоянному расширению, углублению и бескорыстию вашей внимательности - вы должны расширить свои границы и стать гражданином более великого, более радостного, более пронзительного мира, участником жизни с большим изобилием. Пределы этого расширения еще не открыты. Величайшие созерцатели, возвращающиеся со своих высочайших восхождений, могут рассказать нам только о мире, который "не имеет стен".

Но этот рост в высшие реальности, этот расцвет вашего созерцательного сознания - хотя это, как и все остальное, что мы знаем в жизни, непрерывный процесс движения и изменений, - должен быть разбит и сведен к ряду конкретных форм, которые мы называем "порядком", если наши неэластичные умы хотят его постичь. Итак, мы будем рассматривать это как последовательное достижение тех трех уровней или проявлений Реальности, которые мы согласились называть Естественным Миром Становления, Метафизическим Миром Бытия и - последним и высшим - той Божественной Реальностью, внутри которой эти противоположности находятся как одно целое. Хотя эти три мира опыта настолько переплетены воедино, что сигналы из более глубоких слоев бытия постоянно доходят до вас через естественную среду, именно в таком порядке осознания вы можете лучше всего думать о них и о своем собственном постепенном взрослении до полного роста человечества. Ускользать от природы, отказываться

от ее дружбы и пытаться перепрыгнуть реку жизни в надежде найти Бога на другом берегу - распространенная ошибка извращенного мистицизма. В результате это столь же фатально, как и противоположная ошибка преднамеренной задержки развития, которая, будучи настроенной на чудесные ритмы естественной жизни, довольствуется этим повышением чувствительности и, становясь "мистиком природы", не требует большего.

Итак, вам следует начать с той первой формы созерцания, которую древние мистики иногда называли "открытием Бога в Его созданиях". Не каким-то экстатическим приключением в сверхчувственных областях, а любящим и терпеливым исследованием мира, который лежит у ваших ворот; "приливов и отливов и непреходящей силы", частью которой является ваше собственное существование. Вы должны постепенно отодвигать барьеры своего "я", пока, наконец, вся продолжительность не войдет в расширяющиеся круги его интуитивной любви: пока вы не обнаружите в каждом проявлении жизни - даже в тех, которые вы раздраженно классифицировали как жестокие или непристойные - пылкое самовыражение того Имманентного Существа, искра которого горит глубоко в вашей собственной душе.

Индийские мистики постоянно говорят о видимой вселенной как о *Лиле*, или Забаве Бога: Бесконечное, намеренно выражающее Себя в конечной форме, музыкальное проявление Его творческой радости. Они думают, что все милосердные и учтивые души с радостью присоединятся к Его игре; принимая во внимание скорее чудо и достижение всего в целом - его живое движение, его странные и ужасные воплощения красоты в муках, благородства в конфликте и смерти, его смешанное великолепие жертвоприношения и триумфа, - чем их личные победы, разочарования и усталость. В первой форме созерцания вы должны осознать ход этой игры, в которой вы так долго играли вялую и произвольную роль, и найти в ней свое собственное место. Оно течет, растет, меняется, создавая бесконечные неожиданные узоры в развивающейся мелодии Божественной Мысли. Во всем оно неполно, неустойчиво; и вы тоже. Ваши собратья, стойкие на поле боя, живущие и размножающиеся в трущобах, предприимчивые и прилежные, чувственные и чистые - более того, ваши великие товарищи, холмы, деревья, реки, стремительные птицы, шуршащие насекомые, маленькие мягкие популяции травы - все это играет с вами. Они движутся друг к другу в тонких ответных движениях, то яростных, то нежных, то в конфликте, то в мире; и все же они всегда плетут узор ритуального танца и повинуются музыке того невидимого Хорага, которого знали Беме и Плотин. Что это за великий ветер, который дует снаружи, в непрерывной и невыразимой гармонии? Часть тебя, практичный человек. В мире есть только одна музыка, и в нее вы постоянно вносите свой вклад, хотите вы того или нет, своей единственной бесцветной песенкой.

Обезумев от радости, жизнь и смерть танцуют в ритме этой музыки:

Холмы, море и земля танцуют:

Мир людей танцует в смехе и слезах".

Кажется жалким оставаться в неведении об этом, сохранять как бы зеркальное окно между собой и вашими товарищами по танцам - все эти другие мысли о Боге, постоянно возникающие, изменяющиеся и растущие рядом с вами, - и обрекать себя на антиобщественное отношение "кошки, которая гуляет сама по себе".

Поэтому начинайте немедленно. Соберитесь с силами, как вас научили делать упражнения по воспоминанию. Затем - когда внимание больше не растрачивается на мелкие происшествия и интересы вашей личной жизни, но уравновешено, напряжено, готово к работе, которую вы от

него потребуете, - потянитесь отчетливым актом любящей воли к одному из мириад проявлений жизни, которые вас окружают и которые обычным образом вы едва замечаете, если только они вам не понадобятся. Излейтеесь навстречу ему, не притягивайте к себе его образ. Осознанная - более того, страстная - внимательность, внимательность, которая вскоре превосходит всякое осознание себя как отдельного от видимого объекта и обращающего на него внимание; это условие успеха. Что касается объекта созерцания, то он не имеет большого значения. Подойдет что угодно, от Альпа до насекомого, при условии, что ваше отношение будет правильным: ибо все вещи в этом мире, к которым вы стремитесь, связаны друг с другом, и одна по-настоящему постигнутая вещь станет воротами ко всему остальному.

Взгляните созерцательным взором на самого распущенного полосатого кота на улицах, и вы увидите божественное качество жизни, окруженное ореолом вокруг его ободранных ушей, и услышите в его резком мяуканье отголосок

"Глубокая восторженная радость,
восторг от аллилуйи, посылаемой
Всем, что дышит и есть".

Закопченное дерево, на которое он карабкается, чтобы скрыться от вашего пристального взгляда, тоже свято. Он содержит для вас весь божественный цикл времен года; на плане покоя ясно слышен его внутренний пульс. Но вы должны смотреть на эти вещи так, как вы смотрели бы в глаза другу: пылко, самоотверженно, не принимая во внимание его репутацию, его практическое применение, его анатомические особенности или пороки, которые могли бы проявиться, если бы он был подвергнут психоанализу.

Такое простое упражнение, если взяться за него от чистого сердца, вскоре вознаградит вас. Благодаря этому тихому, но напряженному акту общения, этому любящему взгляду вы вскоре обнаружите связь - гораздо более интимную, чем все, что вы себе представляли, - между вами и окружающими "объектами чувств"; и в этих объектах чувств - глубокое значение, личные качества и действительную силу отклика, которые в более прохладные моменты вы могли бы счесть абсурдными. Налаживая переписку с этими попутчиками, вы научитесь говорить вместе с Уитменом:

"Ты воздух, который служит мне дыханием, чтобы говорить!
Ты объекты, которые вызывают из рассеяния мои значения и придают им форму!
Ты, свет, окутывающий меня и все сущее нежным ровным дождем!
Ты, тропинки, протоптанные в неправильных впадинах у обочины!
Я верю, что в тебе скрыто невидимое существование, ты так дорог мне".

Произойдет тонкое взаимопроникновение вашего духа с духом тех "невидимых существ", которые вы сейчас так глубоко и трепетно ощущаете. Старые барьеры исчезнут, и вы осознаете, что святой Франциск был точен и очарователен, когда говорил о Брате Ветре и сестре Воде; и что Стивенсон, очевидно, был прав, когда сказал, что, поскольку:

"Мир так полон самых разных вещей,
я уверен, что мы все должны быть счастливы как короли".

Эти радостные и яркие "вещи" заговорят с вами. Они предложат вам новости, по крайней мере, столь же определенные и заслуживающие доверия, как те, что разносчик газет разносит

вразнос на улице: прямые послания от той Красоты, о которой художник сообщает в лучшем случае из вторых рук. Из-за вашей новой чувствительности гимны в ваш адрес будут звучать из каждой сточной канавы; стихи невыносимой красоты распустятся для вас на каждом сорняке. Лучшие и величайшие, ваши ближние засияют для вас новым значением и светом. Смирение и благоговейный трепет вызовут в вас красивые и терпеливые фигуры бедняков, их долгий безмолвный героизм, их добровольное принятие бремени жизни. Все различные члены человеческой группы, маленькие дети и пожилые люди, те, кто олицетворяет энергию, те, кто предан мастерству, мысли, самому простому служению или молитве, будут иметь для вас новое яркое значение, вы будете ощущаться как часть вашего собственного более широкого существа. Все авантурные начинания, все великолепие боли и вся красота игры - более того, это серое непрекращающееся усилие существования, составляющее основу социальной сети, и несбыточные надежды, энтузиазм и любовь, которые ее наполняют, - все это вы, наконец, увидите и почувствуете как исполненное славы, полное смысла; ибо вы увидите их невинными, внимательными, бескорыстными глазами, почувствуете их как бесконечно значимые и восхитительные части Трансцендентного Целого, в которое вы также погружены.

Это открытие вашей братской связи со всеми живыми существами, это погружение вашей высокомерной личности в великий щедрый поток жизни знаменует важный этап в вашем постижении той Науки Любви, которой призвано научить созерцание. Вы не должны путать это с милыми фантазиями о природе, которые нравятся всем людям с богатым воображением; еще меньше - с застенчивым и преднамеренным гуманизмом. Это истинное состояние осознанности; прямое восприятие, а не мнение или идея. Для тех, кто достигает этого, расширяется диапазон чувств. Они живут в мире, который освещен более ярким светом; у него, как настаивал Джордж Фокс, "другой запах, чем раньше". Они слышат повсюду вокруг себя нежную музыку роста и видят "новый цвет", о котором говорят мистики.

Далее, вы заметите, что это действие и соответствующее ему отношение очень важным образом отличаются даже от той особой внимательности, которая характеризует стадию медитации и которая, на первый взгляд, во многих отношениях напоминает ее. Тогда это была идея или образ из числа обычных - один из тех концептуальных ярлыков, которыми человеческая кисточка украсила поверхность вселенной, - который вам было рекомендовано держать перед своим умом. Теперь, отвернувшись от этикетки, вы должны отдаться прямому посланию, изливаемому вам *вещью*. Затем вы рассудили: теперь вы должны впитать. Это переживание будет, в самом высоком смысле, переживанием ощущения без мысли: сущностным ощущением, "смакованием", к которому приглашают нас некоторые мистики, преходящим причастием которого являются наши фрагментарные телесные чувства. Итак, наконец, здесь, в этом интимном общении, в этом "простом видении", в этой полной отдаче себя впечатлению вещей, вы в полной мере используете священные силы чувств: и используете их таким образом, потому что вы концентрируетесь на них, принимая их сообщения в простоте. В этом созерцательном мировоззрении вы довели особые методы художественного постижения до их высшей стадии: в результате чувственный мир стал для вас, как сказала Эригена, все создания были "теофанией, или явлением Бога". Как вы заметили, это не символ, а демонстрация: совсем другое дело. Сейчас вы начали плотиновское восхождение от множественности к единству, и поэтому начинаете воспринимать во Множестве ясное и действительное присутствие Единого: неизменную и абсолютную Жизнь, проявляющую себя во всех мириадах зарождающихся, полумесячных, чередующихся жизней. Поэты, взирающие таким образом на "цветок в

трещинах стены" или на "зеленое создание, стоящее на пути", были уведены глубоко в сердце его жизни; там они постигали тайну вселенной.

Все великие поэмы Вордсворта и Уолта Уитмена представляют собой попытку перевести непосредственный созерцательный опыт такого рода в слова и ритмы, которые могли бы передать его секрет другим людям: вся философия Блейка - это всего лишь отчаянная попытка убедить нас обменять ложный мир "Природы", на который мы обычно смотрим - и который на самом деле вовсе не Природа - на этот, истинный мир, которому он дал сбивающее с толку название "Воображение". Для них созерцание Становящегося Мира принимает интенсивную форму, которую мы называем гениальностью: даже читать их стихи - значит чувствовать биение сердца, прилив радости, большей, чем все, что мы знали. И все же ваши собственные небольшие усилия по достижению этого уровня сознания, по крайней мере, дадут вам, вместе с более яркой вселенной, совершенно новое понимание их произведений; и других поэтов и художников, которые испили из чаши Духа Жизни. На ваш взгляд, эти работы являются единственными художественными творениями, которым подходит название реализм; и именно по меркам реальности вы должны теперь критиковать их, признавая в высказываниях, которые вы когда-то отвергли как риторику, отчаянные усилия прозорливых людей по точному описанию вещей, действительно видимых в том упрощенном состоянии сознания, которое Блейк назвал "неиспорченным воображением". Именно с тех очищенных и возвышенных уровней восприятия, к которым приводит душу первая форма созерцания, Джулиана из Норвича, глядя на "малую вещь величиной с лесной орех", нашла в ней воплощение всего, что было создано; ибо в ней она постигла царственный характер жизни. Такая маленькая и беспомощная в своих самых могущественных формах, такая величественная даже в самых ничтожных, что жизнь во всей ее целостности была тогда осознана ею как прямое порождение Энергии Божественной Любви и кроткая зависимость от нее. Она сразу почувствовала мимолетный характер его очевидного существования, непреходящую Реальность, в рамках которой он находился. "Я удивлялась, - сказала она, - как это могло продолжаться, потому что думала, что это могло внезапно сойти на нет из-за пустяка. И я получил ответ в моем понимании: *Это длится вечно, ибо Бог любит это*. И так Все сущее существует благодаря любви Бога ". К такому же пониманию Реальности, к этой связи каждого конечного выражения с его источником, к этому поиску внутреннего значения каждого фрагмента жизни пришла одна из величайших и наиболее уравновешенных созерцателей девятнадцатого века, Флоренс Найтингейл, когда она воскликнула в час самоанализа: "Я должна стремиться видеть только Бога в моих друзьях и Бога в моих кошках".

Однако это не изматывающая борьба интроспективных и самосознательных устремлений, а скорее неуклонное, усердное намерение, устойчивое согласие, простая и верная капитуляция перед великими потоками жизни, цепляние за результаты, достигнутые в ваши лучшие моменты, которые сделают это за вас: капитуляция не вялая, а обдуманная, доверчивое самопожертвование, "живая вера". "Приятное волнение любви", - говорит *Облако Неведения*, а не отчаянная, тревожная борьба за больше света. Истинное созерцание может процветать только тогда, когда защищено от двух противоположных преувеличений: квиетизма, с одной стороны, и духовной суеты, с другой. Ни от пассивности, ни от беспокойства оно ничего не выиграет. Хотя путь может быть долгим, а материал вашего разума неподатливым, страстному любителю Реальности конечный успех обеспечен. Мощный поток Трансцендентной Жизни неизбежно вторгнется, прояснит, возвысит сознание, открытое для его восприятия; движение извне - едва уловимое, но действительно - отвечает на каждое волевое движение изнутри.

"Ваше открытие и Его вхождение, - говорит Экхарт, - это всего лишь одно мгновение". Поэтому, когда вы отбрасываете свои предвзятые идеи, свою эгоцентричную шкалу ценностей и позволяете интуиции взять свое, вы открываете этим действием новые уровни мира. Такое раскрытие - самое практичное из всех видов деятельности; ибо тогда и только тогда ваше повседневное существование и естественная сцена, в которой оно разворачивается, начнут раскрывать перед вами свое богатство и смысл. Его парадоксы и неравенства будут раскрыты как истинные составляющие его красоты, непостижимое великолепие проявится из самых тусклых складок. Тогда, и только тогда, избегая единственного видения эгоиста, вы начнете догадываться обо всем, чем должны были быть ваши чувства.

"Клянусь, земля непременно станет полной для того или нее, кто станет полной, Земля остается неровной и изломанной только для того или нее, кто остается неровным и изломанным".

ГЛАВА VIII

ВТОРАЯ ФОРМА СОЗЕРЦАНИЯ

"И здесь, - говорит Рейсбрук о "я", достигшем этой точки, - начинаются голод и жажда, которые никогда больше не будут утолены".

В Первой Форме Созерцания это "я" стремилось лучше познать свой собственный естественный план существования. Оно протянуло щупальца своей интуитивной любви в общий поток длительности, частью которого оно является. Разрушая барьеры личности, сливаясь с более широким сознанием, оно научилось познавать Мир Становления изнутри - как гражданин, член великого общества жизни, а не просто как зритель. Но чем глубже и полнее вы погружаетесь в эту жизнь и осознаете ее, тем больше расширяется ваше сознание; тем настойчивее слухи и намеки на более высокий план опыта, более тесное единство и более полный синтез начинают осаждать вас. Вы чувствуете, что до сих пор вы получали послания жизни в виде серии несвязных слов и нот, из которых ваш разум конструировал, насколько это было возможно, определенные связанные предложения и мелодии - законы, классификации, отношения и все

остальное. Но теперь вы тянетесь к окончательному предложению и мелодии, которые существуют независимо от ваших собственных конструктивных усилий; и осознаете, что слова и ноты, которые так часто озадачивали вас своей интенсивностью, превосходящей требования вашего маленького мирка, обладают красотой и значением только потому, что вы воспринимаете их как частичные выражения большего целого, которое все еще находится за пределами вашей досягаемости.

Вы долгое время были подобны ребенку, обрывающему лепестки цветов, чтобы сложить мозаику на садовой дорожке; и результаты этого убийственного усердия вы ошибочно принимали за познание мира. Когда кусочки подходили друг к другу с необычной точностью, вы называли это наукой. Теперь, наконец, вы осознали великую истину и красоту живого растения, с которого вы их сорвали: фактически вступили в прямое общение с ним, "соединились" с его реальностью. Но само это признание живого растущего растения влечет и должно повлечь за собой для вас осознание более глубоких реальностей, к которым вы пока что не прикасались: неосознанных вещей и сил, которые питают и поддерживают его; всей вселенной, которая касается вас своей жизнью. Простое каталогизирование всех растений - хотя это было бы намного лучше, чем ваша старая игра с индексированием ваших собственных скудных фотографий - никогда не даст вам доступа к Единству, к Факту, каким бы он ни был, который проявляется через них. Предполагать, что это возможно, - кардинальная ошибка "мистика природы": ошибка, параллельная ошибке психолога, который ищет душу в "психических состояниях".

Чем глубже вы осознаете удивительность растения, чем совершеннее ваше единение с миром роста и перемен, тем быстрее, тем тоньше ваш отклик на его бесчисленные предложения; тем острее станет ваше стремление к чему-то большему. Теперь вы найдете и почувствуете Бесконечное и Вечное, устанавливающее как бы завуалированные и сакраментальные контакты с вами при этих случайностях - посредством этой его непрерывной созидательной деятельности - и вам захочется пробиться сквозь них и за их пределы, к более полному осознанию, более совершенному и непосредственному единению с Субстанцией всего Сущего. С великим расширением и углублением вашей жизни, которое последовало за упразднением узкой самости, вашим вхождением в более широкое сознание живых существ, к вам неизбежно пришло инстинктивное знание об окончательных и абсолютных групповых отношениях, превосходящих и включающих в свой размах все меньшие союзы. К этому, второму этапу созерцания, на котором человеческое сознание вступает в свое особое наследие, что-то внутри вас сейчас, кажется, подталкивает вас.

Если вы подчинитесь этому внутреннему толчку, продвигаясь вперед "острым дротиком вашей страстно желающей любви", заставляя точку вашего преднамеренного внимания все дальше и дальше погружаться в паутину вещей, такое постоянно углубляющееся осознание, такое расширение вашей сознательной жизни действительно станут для вас возможными. Ничто, кроме вашей собственной апатии, вашего слабого и ограниченного желания, не ограничивает эту реализацию. Здесь существует строгое соотношение между спросом и предложением - ваши достижения должны быть пропорциональны величию вашего желания. Факт и давящая энергия внешней Реальности не меняются. Только то, в какой степени вы способны получить его, зависит от вашего мужества и щедрости, от того, в какой мере вы отдаете себя в его объятия. Те умы, которые устанавливают предел своему самопожертвованию, должны испытывать по мере его достижения не чувство удовлетворения, а чувство стеснения.

Бесполезно предлагать своему духу сад - даже сад, населенный святыми и ангелами, - и притворяться, что он стал свободным от вселенной. Вы не обретете покоя, пока не покончите со всеми насыпями и изгородями и не замените сад дикой природой без стен; этим диким странным местом тишины, где "влюбленные теряют самих себя".

И все же вы должны начать это великое приключение смиренно; и пройти, как это сделал Джулиан из Норвича, первый этап вашего нового путешествия вовне по дороге, которая лежит ближе всего к вам. Когда Джулиана созерцательным взором смотрела на эту "малость", открывшую ей единство сотворенной вселенной, ее глубокий и любящий взор последовательно различал в ней три свойства, которые она, насколько могла, выразила символами своей собственной теологии: "Первое - это то, что Бог создал это; второе - что Бог любит это; третье - что Бог хранит это". Вот три фазы во все расширяющемся созерцательном восприятии Реальности. Не три мнения, а три факта, для которых она с трудом подбирает слова. Первое состоит в том, что каждое отдельное живое существо, распускающееся "подобно ореху лещины" на древе жизни и обреченное там созреть, состариться и умереть, является порождением другой силы, творческого толчка: что Мир Становления во всем его богатстве и разнообразии не является окончательным, но сформирован чем-то иным и совершенно трансцендентным ему самому. Это, конечно, религиозный ум неизменно принимает как должное, но нас интересует скорее непосредственный опыт, чем вера. Чувствовать и знать эти два аспекта Реальности, которые мы называем "сотворенными" и "несотворенными", природу и дух, осознавать их так же остро, как мы уверены в них, как в суше и море, - значит освободиться от сверхчувственного мира. Это значит постоять на мгновение рядом с Поэтом и посмотреть на то Стихотворение, отдельные фразы которого вы расшифровали в более ранней форме созерцания. Тогда вы учились читать и находили в словах, строках, строфах удивительный смысл и прелесть. Но насколько большим показалось бы вам значение каждой детали, насколько вернее вы овладели бы ее жизнью, если бы познакомились со Стихотворением: не как с простой последовательностью таких строк и строф, а как с непротиворечивым целым.

От этого Джулиан переходит к тому более глубокому знанию сердца, которое проистекает из смиренного и бескорыстного принятия жизни; что это Творение, весь этот изменчивый естественный порядок, со всеми его кажущимися столкновениями, жестокостями и расточительством, все же проистекает из пыла, неизмеримой любви, постоянного жертвования, которое порождает его, поддерживает, движет им; ибо "все существует любовью Бога". Мучительный вопрос Блейка здесь получает свой ответ: разум, зачавший ягненка, зачал и тигра. В сущности, говорит Джулиан, все, будь то милосердие, ужас или зло, окутано любовью и является частью мира, созданного не механической необходимостью, а страстным желанием.

Следовательно, ничто на самом деле не может быть подлым, ничем презренным; ничем, каким бы извращенным оно ни было, неисправимым. Богохульная потусторонность ложного мистика, который воспринимает материю как зло и бежит от ее "обманов", исправляется этим любящим взглядом. Следовательно, чем прекраснее и благороднее кажется нам вещь, тем больше мы ее любим - тем вернее мы ее видим: ибо тогда мы ощущаем в ней Божественный пыл, стремящийся к самовыражению, и разделяем ту простоту и чистоту видения, с которой большинство святых и некоторые поэты видят все вещи "такими, какие они есть в Боге".

Наконец, этот управляемый любовью мир длительности - это произведение, в котором Божественный Художник страстно и терпеливо выражает Свою бесконечную мечту в конечных формах, - заключен в другие, более могущественные объятия. Это "хранится", - говорит Джулиан. Парадоксально, но вечно изменяющиеся энергии любви и созидания, которые вдохновляют их, собираются и становятся завершенными в неизменном факте Бытия: Вечном и Абсолютном, внутри которого находится мир вещей, как дерево находится в поддерживающей земле, обволакивающим воздухе. Там, наконец, находится скала и прибежище ищущего сознания, утомленного непрерывным процессом изменения. Там этот поток существует во всей своей целостности, "весь сразу"; способом, который мы никогда не можем постичь, но который в часы единения мы иногда можем попробовать на вкус и ощутить. Именно в моменты соприкосновения человека с этим, когда он проникает за пределы всех образов, какими бы прекрасными, какими бы значительными они ни были, к тому невыразимому осознанию, которое мистики называют "Обнаженным Созерцанием" - поскольку с него снимаются все одежды, которыми разум и воображение облачают и маскируют как наших дьяволов, так и наших богов, - голод и жажда сердца утоляются, и мы действительно получаем уверенность в высшей Реальности. Эта уверенность не является хладнокровным завершением успешного спора. Скорее, это, наконец, обретение Чего-то, что мы когда-либо чувствовали рядом с собой и что манит нас: невыразимо простого, потому что полностью всеобъемлющего решения всех загадок жизни.

Как тогда вы отдали себя раздробленной, но актуальной реальности природного мира, чтобы он мог отдаться вам, и ваше обладание его тайной было достигнуто, сначала отказом от самости, затем усердным выталкиванием своего внимания, наконец, союзом любви; так и теперь, повторяя на новых уровнях тот же процесс, вы должны подняться к еще более высоким союзам. Как бы крепко вам ни казалось, вы ни были привязаны к конечному, привержены постоянным ритмическим изменениям, непрекращающемуся потоку "естественной" жизни, вынуждены переходить из состояния в состояние, расти, стареть, умирать - и все же, как вы обнаружили в первом упражнении по вспоминанию, в вас есть нечто, что переживает этот мир перемен и, следовательно, превосходит его. Этот обитатель, этот подвижный дух, может распространиться и слиться с общим сознанием и снова собраться в одной интенсивной точке личности. У него также есть врожденное знание - инстинкт к - другому, более великому ритму, другому порядку Реальности, пока еще находящемуся за пределами его сознательного поля; или, как мы говорим, способность к Бесконечному. Эта способность, это неудовлетворенное страстное желание, которое хитрый ум практичного человека подавляет и маскирует, как только может, является источником всего вашего беспокойства. Более того, это истинный источник всей вашей лучшей любви и энтузиазма, вдохновляющая причина вашего героизма и достижений; которые являются всего лишь косвенными и пробными попытками утолить эту странную жажду некоего конечного объекта преданности, некоего завершающего и проясняющего видения, некоего полного самопожертвования, некоего великого и совершенного Поступка, в котором может быть объединена ваша маленькая активность.

Святой Фома Аквинский говорит, что человек лишен этого желанного видения Божественной Сущности, этого открытия Чистого Действия (которое действительно повсюду давит на него и поддерживает его) только из-за очевидной необходимости, с которой он сталкивается, обращаться к телесным образам, разбивать свою непрерывную и живую интуицию на концептуальные обрывки; другими словами, потому что он не может жить жизнью ощущения без мысли. Но дело не в человеке, а всего лишь в его ментальном механизме, который подчинен

этой "необходимости". Это то, что транслирует, анализирует, включает в конечные образы безграничные восприятия духа: пропускает через свою призму Белый Свет Реальности и дробит его на последовательность цветных лучей. Поэтому человек, который хочет познать Божественную Тайну, должен более тщательно, чем когда-либо прежде, освободиться от тирании создающей образы силы. Как не лабораторными методами мы учимся познавать жизнь, так и не интеллектуальными методами мы учимся познавать Бога.

"Ибо обо всех других созданиях и их делах, - говорит автор *Облака неведения*, - да, и о делах самого Бога человек по благодати может иметь полное представление и хорошо думать о них; но о Самом Боге человек думать не может. И поэтому я оставил бы все, о чем я могу думать, и выбрал бы для своей любви то, о чем я не могу думать. Вот почему: Его вполне можно любить, но не думать. Любовью Его можно заполнить и удержать, но мыслью - никогда".

"Gotten and holden": простые слова, которые скорее предполагают протягивание руки, чтобы взять что-то, лежащее у самых ваших ворот, чем долгое путешествие вовне или потрясающий подъем созерцательной души. Мистики говорят, что реальность действительно "близка и далека"; далека от наших мыслей, но насыщает и поддерживает нашу жизнь. Ничего не было бы ближе, ничего дороже, ничего слаще, если бы двери нашего восприятия действительно очистились. Тогда вам остается только сосредоточить внимание на своей собственной глубокой реальности, "осознать свою собственную душу", чтобы найти ее. "Мы пребываем в Нем, а Он в нас": теперь вы участвуете в Вечном Порядке. Видение Божественной Сущности - участие ее собственной небольшой активности в Божественном Действии - является для искры вашей души непрерывным процессом. На вершине вашей личности дух всегда смотрит на Дух, тает и сливается с ним: из этой встречи возникает и поддерживается его жизнь. Но вы с детства были заняты другими делами. Все неотложные дела "жизни", как вы нелепо это назвали, монополизировали поле вашего сознания. Таким образом, все важные события вашей реальной жизни, физической и духовной - таинственный постоянный рост вас, встраивание свежих кусочков вселенной в нестабильное тело, которое вы путаете с самим собой, гул и жужжание машины, которая сохраняет ваши контакты с материальным миром, более тонкие движения, которые обуславливают ваше соответствие духовному порядку и рост внутри него, - все это происходило незаметно для вас. Все это время вас, как "Маленькое Существо", поддерживала и лелеяла всеобъемлющая и созидательная любовь; однако вы осознаете это меньше, чем воздух, которым дышите.

Теперь, когда на первой стадии созерцания вы узнали и установили, как очевидный и испытанный факт, свои братские отношения со всеми другими детьми Божьими, входя в ритм их существования, участвуя в их стрессах и радости; не попытаетесь ли вы, по крайней мере, сделать очевидным и это ваше сыновнее отношение? Это осознание вашего истинного статуса, вашего места в Вечном Мире ждет вас. Оно представляет собой следующий этап в вашем постепенном достижении Реальности. Метод, с помощью которого вы достигнете этого, строго аналогичен тому, с помощью которого вы получили более яркое осознание естественного мира, в котором вы растете и двигаетесь. Здесь также должен быть прямой интуитивный контакт, ощущение, а не мысль, которые принесут вам уверенность - "дегустация пищи, а не разговоры о ней", как говорит святой Бонавентура.

Однако между этими двумя этапами существует заметная разница. В первом случае преднамеренное внутреннее отступление и собирание воедино ваших способностей, которое

было вызвано воспоминанием, было прелюдией к новому выходу вперед, выходу из узких рамок чисто личной жизни к лучшему и более истинному пониманию сотворенного мира. Теперь, на второй стадии, дисциплинированное и собранное внимание, по-видимому, движется в противоположном направлении. Оно направлено на план существования, к которому ваши телесные чувства не имеют привязки: который не просто искажается вашими обычными концепциями, но вообще не может быть ими представлен. Поэтому оно должно погрузиться внутрь, к своему собственному центру, "прочь от всего, что можно думать или чувствовать", как говорят мистики, "прочь от каждого образа, каждого понятия, каждой вещи", к тому странному состоянию мрака, которое святой Иоанн Креста называет "Ночью чувств". Делайте это неуклонно, сдерживая каждый блуждающий инстинкт, каждую настойчивую мысль, какой бы "духовной" она ни казалась; все глубже устремляясь внутрь, к той основе, к тому простому и недифференцированному Существо, из которого проистекают ваши разнообразные способности. Вскоре вы обнаружите себя, опустошенного и освобожденного, в месте, лишенном всего механизма мышления; и достигнете состояния простоты, которое те же самые специалисты называют наготой духа или "Беспутной Любовью" и которое, как они заявляют, выше всех человеческих образов и идей - состояния сознания, в котором "вся работа разума терпит неудачу". Тогда вы заметите, что вошли в интенсивную и яркую тишину: тишину, которая существует сама по себе, благодаря непрерывным шумам вашего обычного мира и вопреки им. В этом мире безмолвия вы, кажется, как бы теряете себя, "испытываете приливы и отливы, блуждаете и теряетесь в Безобразной Земле", - говорит Рейсбрук, пытаясь описать ощущения "я" в этом, своем первом посвящении в "мир без путей, за пределами образа", где "есть все, но нет ничего мудрого".

И все же, несмотря на окутывающую вас тьму, на Облако Неведения, в которое вы погрузились, вы уверены, что находиться здесь хорошо. Особая уверенность, которую вы не можете проанализировать, странное удовлетворение и покой проникают в вас. Вы начинаете понимать, что имел в виду Псалмопевец, когда сказал: "Будь спокоен и познай". Вы заблудились в дикой местности, одиночестве, в смутном странном состоянии, о котором вы ничего не можете сказать, поскольку оно не дает материала вашему воображению.

Но эта дикая местность, с одной стороны, такая голая и безлюдная, с другой - все же странно домашняя. В нем ответы на все ваши печальные вопросы даются без слов; это Все, и вы находитесь внутри него, являетесь его частью и знаете, что это хорошо. Это вызывает величайшее обожание, на которое вы способны, и, таинственным образом, дарит любовь за любовь. Теперь вы вознеслись, говорят мистики, к Свободе Воли Бога; стали частью более высокой, более медленной длительности, которая несет вас как бы на своей груди и - хотя, возможно, никогда прежде ваша душа не была так по-настоящему активна - кажется вам покоем.

Учение Плотина о высшей жизни единства и низшей жизни множественности, возможных для каждого человеческого духа, теперь покажется вам не фантастической теорией, а простым утверждением факта, который вы проверили на собственном опыте. Вы понимаете, что это два взаимодополняющих способа постижения Реальности и объединения с Ней - один как динамический процесс, другой как вечное целое. Понимаемые таким образом, они не противоречат друг другу. Вы знаете, что поток, разрушенный мир перемен и множественности, все еще продолжается; и что вы, как создание мира времени, движетесь и растете вместе с ним. Но, благодаря развитию высшей стороны вашего сознания, вы теперь поднялись на новую

ступень; прямое участие в той простой, трансцендентной жизни, "разбитой, но не разделенной", которая придает этому миру времени весь его смысл и значимость. И вы знаете, не умаляя реальности той изменчивой жизни, в рамках которой вы впервые осуществили свои привязанности ко вселенной, что вы также являетесь истинной составляющей большего целого; что, поскольку вы человек, вы также дух и живете Вечной Жизнью сейчас, посреди времени.

Эффект этой формы созерцания, в той степени, в какой обычный человек может научиться ее практиковать, подобен внезапной смене атмосферы, смещению ценностей, которые мы испытываем, когда переходим с оживленных улиц в тихую церковь; где горит лампада и царит тишина, такая же, как вчера, сегодня и вовеки. Оттуда изливается тишина, которая пробивается сквозь шум снаружи. Ускользая от мерцания дуговых ламп, оттуда, через верхнее окно, мы можем мельком увидеть вечную звезду.

Стены церкви, ограничивающие поле нашего внимания, отгораживающие от потока жизни с ее настойчивыми требованиями и мольбами, делают возможным наше постижение этого глубокого вечного покоя. Характер нашего сознания, занимающего промежуточное положение между Вечностью и Временем и всегда готового колебаться между ними, делает такое устройство, такое конкретное средство для концентрации необходимым для нас. Но покой, присутствие повсюду - для нас, а не для него, требуются алтарь и святилище - и ваша осознанная, смиренная практика созерцания научит вас, наконец, находить его; как за защищающими стенами воспоминаний, так и внутри. Тогда вы поймете, что имела в виду Джулиан, когда объявила, что конечным свойством всего сотворенного является то, что "Бог хранит это": вы *почувствуете* неистовое сознание всеохватывающего Присутствия, полностью превосходящего текущую изменчивую природную жизнь и непостижимого для разума, который эта природная жизнь развила и тренировала. И как вы лучше всего познали секрет этой природной жизни, отдавшись ей, войдя в ее потоки и отказавшись анализировать или упорядочивать, так и здесь, намеренно отдавая себя тишине, богатому "ничто", "Облаку", вы приблизитесь к Реальности, которую оно скрывает от чувственного взора. "Влюбленные тушат свечу и задерживают занавески, - говорит Патмор, - когда они хотят увидеть Бога и Богиню; а в высшем общении ночь мысли - это свет восприятия".

Такое переживание Вечности, достижение того интуитивного осознания, того кроткого и простого самослияния, которое мистики иногда называют, в зависимости от его степени и особых обстоятельств, Тишиной, Пустыней Бога, Божественной Тьмой, представляет собой максимум, что человеческое сознание может сделать само по себе для достижения единения с Реальностью. Кому-то это приносит радость и покой, кому-то страх: всем парадоксальное ощущение низости и величия души, которая теперь, наконец, может измерять себя величественными стандартами Бесконечности. Хотя тренированная и прилежная воля созерцателя может, если действительно установить контроль над вниманием, вновь уловить это состояние осознанности, снова и снова погружаться в Покой, все же это неизбежно мимолетный опыт; ибо человек погружен в длительность, подчинен ей. Это требование его внимания может прекратиться только с прекращением физической жизни - возможно, не тогда. Постоянная погруженность в Трансцендентное для человека невозможна, а попытки достичь этого одновременно антиобщественны и глупы. Но этот опыт, это "восхождение к Нулю" навсегда меняет пропорции жизни, которая однажды познала это; придает ей глубину и высоту и подготавливает путь для тех дальнейших переживаний, того великого преобразования

существования, которое наступает, когда личная активность конечной воли уступает место великому и непреодолимому действию другой Силы.

ГЛАВА IX

ТРЕТЬЯ ФОРМА СОЗЕРЦАНИЯ

Жесткое разделение, которое некоторые авторы-мистики настаивают на проведении между "естественным" и "сверхъестественным" созерцанием, в целом привело скорее к путанице, чем к ясности: ибо слово "сверхъестественный" вызывает много неприятных ассоциаций в уме простого человека. Это сразу наводит его на мысли о видениях и экстазах, суеверных верованиях, призраках и других неприятных вмешательствах в порядок, который он называет "естественным"; и склоняет его к его старому подозрительному отношению ко всем мистическим вещам. Но мы должны иметь какое-то слово, чтобы указать на реальный разрыв, который существует между второй и третьей стадиями развития созерцательного сознания: реальное изменение, которое, если вы хотите продвинуться дальше по этим внутренним путям, должно теперь произойти в способе вашего восприятия Реальности. До сих пор все, чего вы достигли, было - или, по крайней мере, вам казалось - прямым результатом вашей собственной тяжелой работы. Трудная самодисциплина, медленно достигаемый контроль над вашими блуждающими мыслями и желаниями, постоянная ежедневная практика воспоминания, усердное выталкивание вашего сознания с поверхностного на фундаментальное, бескорыстное любящее внимание; все это было вознаграждено постепенным расширением и углублением вашего восприятия, посвящением в движения большей жизни, Вы были колотушкой, искателем, вопрошающим: били по Облаку Неведения "острой стрелой страстной любви". Постоянное усилие воли характеризовало ваше внутреннее развитие. Фактически, ваше созерцание, как сказали бы специалисты, было "активным", а не "насыщенным".

Но теперь, достигнув осознания - действительно смутного и неопишуемого, но все же реального - всеохватывающего присутствия Реальности в тех двух формах, которые теологи называют "имманентностью" и "трансцендентностью" Божественного, должно произойти изменение в отношениях между вашим конечным человеческим духом и Бесконечной Жизнью, в которой он, наконец, осознает себя обитающим. Все, что сейчас придет к вам - и, возможно, придет многое, - произойдет, как кажется, без усилий с вашей стороны: хотя на самом деле это будет прямым

результатом того длительного стресса и дисциплины, которые были раньше и позволили вам почувствовать тонкий контакт с более глубокими реальностями. Это будет зависеть также от устойчивого сохранения - часто, возможно, в течение долгих периодов темноты и скуки - того равновесия, к которому вы были приучены: распространения любящей и преданной воли в полумрак и тишину, постоянного доверчивого пребывания души в атмосфере Сущностного Мира. Вы подобны путешественнику, прибывшему в новую страну. Путешествие было долгим; и трудности и препятствия, связанные с ним, усилия, постоянное сознательное стремление вперед, наконец, стали казаться главными чертами вашей внутренней жизни. Теперь, когда они прекратились, вы чувствуете себя странно потерянным; как будто у вас отняли главную цель вашего существования. Не нужно настаивать на чем-то большем: и все же, хотя вы больше ничего не можете сделать для себя, есть многое, что может и должно быть сделано для вас. Место, в которое вы попали, кажется странным и сбивающим с толку, ибо оно лежит далеко за горизонтами человеческой мысли. Здесь нет знакомых ориентиров, нет ничего, за что вы могли бы ухватиться. Вы "бродите взад и вперед", как говорят мистики, "по этой бездонной земле"; окружены тишиной и тьмой, изо всех сил стараясь дышать этим разреженным воздухом. Подобно тем, кто уезжает жить в новые широты, вы должны акклиматизироваться. Итак, ваше состояние сейчас должно быть мудро пассивным; для того, чтобы великие влияния, которые вас окружают, могли взять и настроить ваш дух, чтобы непривычный свет, который сейчас кажется вам тьмой, прояснил ваши глаза и чтобы вы могли превратиться из посетителя в жителя той небесной Страны, которую Св. Августин описывал это как "не просто видение, но дом".

Поэтому вы должны отпустить себя; прекратить всякое сознательное, тревожное стремление и подталкивание. Оказавшись в этом месте тьмы и покоя, в этой "Ночи Духа", как назвал это святой Иоанн Креста Господня, вы должны пребывать там кротко, ничего не прося, ни к чему не стремясь, но с широко распахнутыми навстречу Богу дверями. И по мере того, как вы будете поступать таким образом, к вам придет все более ясная уверенность в том, что эта тьма скрывает цель, к которой вы стремились с самого начала; конечную Реальность, с которой вам суждено соединиться, совершенное удовлетворение ваших самых пылких и священных желаний. Оно есть, но вы не можете своими усилиями достичь его. Это осознание вашего собственного полного бессилия, сопротивления, которое Трансцендентное, которого вы так долго искали и которому верно служили, теперь, кажется, оказывает вашей энергичной воле и любви, вашему пылу, вашему сознательному самопожертвованию, является одновременно самой болезненной и самой важной фазой в воспитании человеческой души. Это приводит вас в то состояние пассивного страдания, которое призвано завершить децентрализацию вашего характера, проверить чистоту вашей любви и усовершенствовать ваше воспитание в смирении.

Здесь вы должны более основательно, чем когда-либо прежде, противостоять инстинктам и внушениям вашего отдельного, умного, энергичного "я"; которое, ненавидя тишину и полумрак, всегда пытается перенести методы Марфы во владения Марии и редко проводит различие между пассивностью и ленью. Возможно, когда вы попытаетесь достичь этого совершенного самоотречения, вы обнаружите, что необходимо дальнейшее, более решительное самоисследование, более глубокое, более тщательное очищение, чем то, которое было навязано вам вашим первым опытом состояния собирания воспоминаний. Последние осколки самости, само желание духовного удовлетворения - фундаментальная человеческая тенденция преуменьшать Простой Факт и делать его своим, вместо того чтобы предлагать себя ему, - должны быть найдены и убиты. В этом глубоком созерцании, в этом глубоком Покое ваша душа постепенно осознает стеснение, ужасающую узость личности; что-то все еще существующее

само по себе, все еще стремящееся проникнуть внутрь, в свой собственный центр, и удерживающее ее от той абсолютной капитуляции, которая является единственным путем к покою. Отношение совершенного великодушия, полного подчинения, добровольного согласия со всем, что может произойти, даже с неудачей и смертью, - вот ваша единственная надежда: ибо единение с Реальностью может быть только союзом любви, радостным и смиренным слиянием с самим собой во вселенской жизни. Вы должны, насколько это возможно, отдаться, "умереть", раствориться в Целом; отказаться от всех попыток ухватиться за Него. Более того, вы должны хотеть, чтобы это овладело вами. "Чистое, обнаженное движение вперед", - говорит Таулер, пытаясь описать ощущения себя в этот момент. "Никто, - говорит Рейсбрук, переводя этот же опыт, это кроткое течение сбитого с толку духа на другой язык, - не уверен в Вечной Жизни, если он не умер со своими собственными качествами, всецело отдавшись Богу".

Маловероятно, что приятные эмоции будут сопровождать эту полную самоотдачу; ибо теперь будет казаться, что у вас все отнято, ничего не дано взамен. Но если вы сможете это сделать, результатом будет мощная трансформация. С переходного плана тьмы вы переродитесь в другой "мир", другую стадию осознания: и обнаружите, что вы в буквальном смысле отличаетесь от того, кем были раньше. Писатели-аскеты говорят нам, что суть происходящего сейчас изменения состоит в том факте, что "*действие* Бога заменяет *активность* человека" - что сдавшееся "я" "не действует, но получает". Под этим они подразумевают описать, насколько позволит наш конкретный язык, новое и яркое сознание, которое теперь вторгается в созерцателя; ощущение, которое он испытывает от того, что он как бы беспомощен во власти другой Силы, настолько неотъемлемой его части, настолько совершенно отличной от него - такой богатой и разнообразной, настолько наполненной жизнью и чувствами, такой настоящей и такой всепревосходящей, - что он может думать о ней только как о Боге. Именно к этому его готовили полумрак и неуклонно возрастающая пассивность стадии Покоя; и именно из этого добровольного покоя и все углубляющейся неизвестности приходят новые переживания.

"О ночь, которая вела так,
О ночь, более прекрасная, чем рассвет света,
О ночь, которая привела нас,
Влюбленных, к взору влюбленного...
Влюбленный с любимой в браке наслаждения",

говорит святой Иоанн Креста в самой замечательной из всех мистических поэм. "Тот, кто испытал это на собственном опыте, - говорит святая Тереза о той же стадии постижения, - в какой-то мере поймет это; но это не может быть описано более ясно, потому что то, что происходит затем, настолько неясно. Все, что я могу сказать, это то, что душа представлена как близкая к Богу; и что существует убеждение в этом настолько определенное и сильное, что оно не может не верить в это".

Это чувство, эта убежденность, которые могут быть преобразованы воображением во множество различных форм, являются сутью величайших переживаний и высочайших радостей святых-мистиков. Интенсивность, с которой это осознается, будет зависеть от пыла, чистоты и смирения переживающей души; но даже те, кто чувствует это слабо, убеждаются в этом навсегда. У некоторых великих и великодушных душ, способных выдержать ужасающий натиск Реальности, это может даже достигать яркости, при которой все остальное стирается; и "я",

совершенно беспомощное под наплывом этой трансцендентной жизненной силы, переходит в то простое состояние сознания, которое называется Экстазом.

Но вы не должны пугаться этих особых проявлений или предполагать, что здесь вам прегражден путь. Хотя эти великие духи обладают как бы гением восприятия Реальности, восприимчивостью к божественным впечатлениям, настолько превосходящими ваш собственный скромный талант, что кажется, между вами нет никакой связи, все же у вас, поскольку вы человек, также есть способность к Бесконечному. С меньшей интенсивностью, меньшим великолепием, но с уверенностью, которую никогда не поколеблют никакие аргументы, вы, несомненно, сможете осознать это ощущение Живого Факта и его таинственных контактов с человеческим духом и вторжений в него. Это осознание - иногда ощущаемое под символами личности, иногда под символами безличной, но животворящей Силы, Света, Энергии или Тепла - является преобладающим характером третьей фазы созерцания; и наградой за ту кроткую пассивность, ту "деловитую праздность", как иногда называют это мистики, которой вы стремились достичь. Рано или поздно, если вы терпеливы, это придет к вам сквозь тьму: таинственный контакт, ясная уверенность в общении и обладании - возможно, настолько постепенное в своем приближении, что разрыв, переход от все углубляющейся тишины и покоя второй фазы вы едва почувствуете; возможно, если ваша натура пылкая и непостоянная, с внезапной сокрушительной силой, в "буре любви".

В любом случае, появление этого опыта непредсказуемо и полностью находится вне вашего собственного контроля. До сих пор, используя хорошо известный образ Святой Терезы, вы поливали сад своего духа вручную; бедный и трудоемкий метод, но в котором существует определенная связь между усилиями и результатом. Но теперь у вас отняли лейку, и вы должны положиться на дождь: более щедрый, более плодотворный, чем все, что могли бы сделать ваши собственные усилия, но в своих неисчислимых посещениях совершенно неподвластный вашему контролю. Здесь все, что можно сказать, это следующее: если вы согласитесь с героическими требованиями, которые духовная жизнь сейчас предъявляет к вам, если вы позволите себе идти вперед, искорените последние следы своекорыстия, даже самого духовного рода, - тогда вы создали условия, при которых силы духовного мира могут работать над вами, повышая вашу восприимчивость, углубляя и очищая ваше внимание, так что вы способны вкусить и ощутить все больше и больше неисчерпаемых богатств Реальности.

Таким образом, умирая по собственной воле, ожидая того, что будет дано, влито, вы вскоре обнаружите, что изменение в вашем восприятии действительно произошло: и что те, кто говорил, что потеря себя была единственным путем к реализации, учили не благочестивой выдумке, а правде. Наивысший созерцательный опыт, которого вы когда-либо достигли, казался прежде всего спокойным осознанием. Прекращение вашего собственного стремления, покой в Абсолютном Мире и внутри него - таковы были его основные характеристики для вашего сознания. Но теперь этот Океан Бытия больше не ощущается вами как пустота, одиночество без Борна. Внезапно вы понимаете, что это инстинкт, движение и жизнь слишком велики, чтобы вы могли их осознать. Вы взволнованы могучей энергией, неконтролируемой вами, непрошеной вами: ее высшая жизненная сила вливается в вашу душу. Вы вступаете в переживание, для которого все термины силы, мысли, движения, даже любви неадекватны, но которое содержит в себе единственное полное выражение всех этих вещей. Ваша сила теперь буквально совершенствуется в слабости: из-за полноты вашей зависимости в вас вливается свежая жизнь, какой ваше прежнее отдельное существование никогда не знало. Более того, к этому

рассеянному и безличному ощущению Бесконечности, в которое вы окунулись и которое поглощает и дополняет все идеи, которые ваш разум когда-либо создавал с помощью категорий времени и пространства, теперь добавляется сознание Живого Факта, который включает, превосходит, завершает все, что вы подразумеваете под категориями личности и жизни. Тем неэффективным, полусознательным попыткам к свободному действию, ясному восприятию, истинному единению, которые мы называем волей, мыслью и любовью, теперь соответствуют Абсолютные Воля, Мысль и Любовь, мгновенно распознанные созерцающим духом как высшая реальность, которую он когда-либо знал, и вызывающие в нем страстную и смиренную радость.

Этого безошибочного переживания достигли мистики всех религий; и когда мы читаем их высказывания, мы знаем, что все они говорят об одном и том же. Никто из тех, у кого это было, никогда не мог усомниться в его достоверности. Для них это всегда становилось центральным фактом, с помощью которого все остальные реальности должны быть проверены и оценены. Это принесло им глубокое осознание источников изобильной жизни, которые теперь стали доступны человеку; воздействия могучей энергии, нежной, страстной, самоотдающейся, созидательной, которую они могут назвать только Абсолютной Любовью. Иногда они чувствуют, как эта странная жизнь движется и шевелится внутри них. Иногда кажется, что она преследует, соблазняет и осаждает их. В любом случае они являются пассивными объектами, на которые она воздействует. Теперь это другая Сила, которая ищет отделенный дух и требует его; которая стучится в закрытую дверь ограниченной личности; которая проникает в созерцательное сознание насквозь, говоря, возбуждая, принуждая его; которая иногда своим тайным непреодолимым давлением побеждает даже самых непокорных вопреки им самим. Иногда эта Сила ощущается как безличная сила, объединяющая космическая энергия, проникающая любовь, которая собирает все вещи воедино; иногда как внезапный прилив жизненной силы, света и тепла, окутывающих и проникающих в "я" и делающих его вялую жизнь более яркой и более реальной; иногда как личное и дружественное Присутствие, которое дает советы и умоляет душу.

В каждом конкретном случае мистики снова настаивают на том, что это Бог; что здесь, при таких различных способах, душа вступает в непосредственное общение с Ним. Но мы должны помнить, что, когда они делают это заявление, они говорят с уровня сознания, намного превосходящего идеи и образы популярной религии; и с места, которое находится за пределами разумно скорректированного горизонта философии. Под этим словом они подразумевают не понятие, каким бы величественным оно ни было; но пережитый Факт, настолько яркий, что на его фоне так называемые факты повседневной жизни выглядят призрачными и ненадежными. Они говорят, что этот Факт "имманентен"; он присутствует, проникает и может быть обнаружен в каждом аспекте вселенной, в каждом движении игры жизни - как вы обнаружили на первой стадии созерцания. Там вы можете услышать его мелодию и различить его форму. И далее, что Оно "трансцендентно"; по сути, превосходит и включает в себя сумму тех проблесков и контактов, которые мы получаем путем слияния с самим собой в жизни, и в Своих простейших проявлениях превосходит все, чего может достичь разум - "Безымянное Существо, о Котором ничего нельзя сказать". Это вы обнаружили на втором этапе. Но в дополнение к этому они также говорят, что этот всепроникающий, всеизменяющийся и в то же время неизменный Единый, Чья мелодия слышна во всяком движении и внутри Существа Которого "миры пересказываются, как бусины", призывает человеческий дух к немедленному общению, к *единству*, к плодоношению, к божественному взаимовлиянию, для которого

слишком бедны противоречивые символы кормления, прикосновения, брака, погружения; и который пробуждает в полностью сознательной душе страстную и смиренную любовь. "Он пожирает нас и Он кормит нас!" - восклицает Рейсбрук. "Здесь, - говорит святой Фома Аквинский, - душа чудесным и невыразимым образом одновременно захватывает и ею овладевают, пожирает и сама пожирается, обнимает и неистово обнимается: и узлом любви она соединяется с Богом и пребывает с Ним как Единое с Единым".

Чудесная любовная поэзия мистицизма, рапсодии, восхваляющие Возлюбленного, Друга, Спутника, Жениха духа; описывающие "преднамеренную скорость, величественную мгновенность" Небесной Гончей, преследующей отделенную душу, нападения, требования и ласки этой "бурной, щедрой и непостижимой любви" - все это попытка, часто, конечно, косвенная и символическая по методу, выразить и передать эту трансцендентную тайну, описать то напряженное, но неуловимое состояние, в котором единственно возможно единение с живым сердцем Реальности. возможно. "Как тонко Ты учишь меня любви!" - восклицает святой Иоанн Креста; и здесь мы действительно обнаруживаем, что весь пыл всех земных влюбленных оправдан непреходящей Целью, которая проявляется во всем, что мы по-настоящему любим, и за пределами всего этого ищет нас и принуждает, "давая больше, чем мы можем взять, и прося больше, чем мы можем заплатить".

Вы не знаете и никогда не узнаете, *в чем* заключается эта Цель: ибо, как учит Дионисий, "если кто-то увидел Бога и понял то, что он увидел, то он увидел не Бога, а нечто, принадлежащее Ему". Но теперь вы знаете, что это существует с интенсивностью, которая делает все другие существования нереальными; за исключением того, что они участвуют в этом одном Факте. "Некоторые созерцают Бесформенное, а другие медитируют на Форму; но мудрый человек знает, что Брахма находится за пределами того и другого". По мере того, как вы все более и более полностью отдаетесь импульсам этого интимного, но неосознаваемого Присутствия, тем слаще и сильнее - тем более постоянным и устойчивым - будет становиться ваше общение с ним. На несовершенную музыку вашего обожания ответит и усилит ее другая музыка, нежная, глубокая и странная; на ваше исходящее движение, на распространение вашего желания от вас самих к чему-то другому, ответит движение, шевеление внутри вас, но не обусловленное вами. Удивлению и разнообразию этого полового акта нет конца. Она включает в себя все проявления человеческой любви и самоотдачи, всю красоту и всю мощь, все страдания и усилия, всю нежность и восторг: здесь они находятся в синтезе. Отправляясь в голость и темноту этого неогороженного мира возвышенного созерцания, вы обнаруживаете там сохраненные для вас и, наконец, ставшие реальными все высшие ценности, все самые дорогие и благородные переживания мира роста и перемен.

Теперь вы видите, что именно вы делали в ходе своего мистического развития. По мере того, как ваше узкое сердце расширялось к более широкому сочувствию к жизни, вы постепенно отдавались все более и более масштабным существованиям, все более и более совершенным реальностям: учились познавать их, разделять саму их сущность с помощью магии бескорыстной любви. Во-первых, проявленная, текущая, развивающаяся множественная жизнь: вы почувствовали ее удивление и целостность, как только научились подчиняться ее ритмам, получили в простоте неискаженные послания чувств. Затем - действительная неизменная основа жизни, вечное и необусловленное Целое, превосходящее всякую последовательность: мир, одинаково недоступный чувствам и интеллекту, но ощущаемый - смутно, мрачно, но интенсивно - спокойным и отрешенным сознанием. Но теперь к вам

обращается, хотите вы того или нет, более великая Реальность, окончательный всеобъемлющий Факт, Неизмеримая Любовь, которая "пребывает во всем вечно": и, отдавая себя ей, получая и отвечая на ее неясные, но пылкие сообщения, вы переходите за пределы космического опыта к личной встрече, простому, но совершенно невыразимому единению души с ее Богом.

И это тройственное единение с Реальностью, когда ваше внимание фокусируется то на одном, то на другом аспекте ее богатой простоты, будет реализовано вами многими различными способами: ибо вы не должны предполагать, что неизменный бесплодный экстаз теперь должен характеризовать вашу внутреннюю жизнь. Хотя ощущение вашего собственного пребывания в Вечном наполняет и озаряет его, ощущение ваших собственных необходимых усилий, постоянного возобновления контакта с Духовным Миром, постоянного самопожертвования также должно оживлять его. Когда большая любовь подавляет меньшую, и ваше маленькое самосознание теряется в сознании Целого, это будет ощущаться как напряженная тишина, тихий плод Реальности. Тогда кажется, что сама ваша самость исчезает, как это происходит во все моменты вашей великой страсти; и вы "удовлетворены и переполнены, и с Ним, находящимся за пределами вас самих, вы вечно удовлетворены". Опять же, когда ваша собственная необходимая активность выходит на передний план, ваша маленькая энергетическая любовь, постоянно стремящаяся ко все более и более глубокой реализации - "пробуя на вкус и до конца, и ища до конца бездонную почву" Бесконечного и Вечного, - это кажется скорее постоянно возобновляющейся встречей, чем окончательным достижением. Поскольку вы - дитя Времени, равно как и Вечности, вам необходимы такие усилия и удовлетворение, активная и пассивная любовь, если вы хотите привести всю свою жизнь в единение с непостижимо богатым, но простым Человеком, в Котором гармонируют эти кажущиеся противоположности. Поэтому поиск и обретение, работа и отдых, конфликт и мир, питание Богом и самопогружение в Боге, духовный брак и духовная смерть - все эти противоречивые образы необходимы, если мы хотим представить меняющиеся настроения живого, растущего человеческого духа; различные аспекты, в которых он осознает простой факт своего общения с Божественным.

Каждая новая стадия, достигнутая в мистическом развитии духа, означала не оставление позади предыдущих стадий, но добавление к ним: все большее расширение опыта и обогащение личности. Так что общим результатом этого изменения, этого неуклонного роста вашего трансцендентального "я" является не обеднение чувственной жизни в предполагаемых интересах сверхчувственного, а добавление к ней другой жизни - огромное расширение и углубление поля, на котором может работать ваше внимание. Иногда зрелое созерцательное сознание сужается до точки интенсивного чувства, в которой оно действительно кажется "наедине с самим Собой"; иногда оно распространяется на обширное понимание Вселенской Жизни или воспринимает обычные чувственные вещи, воспламененные Богом. Оно легко и без чувства несоответствия переходит от часов тесного личного общения со своим Другом и Возлюбленной к самоутверждению в "глубокой, но ослепительной тьме" Божественной Бездны: или, возвращаясь в тот живой мир перемен, который открыла ему первая форма созерцания, выходит за пределы этих отдельных проявлений Реальности, чтобы осознать Целое, которое обитает в каждой части и вдохновляет ее. Таким образом, восходя к таинственному осуществлению той Реальности, которая за пределами образа, и снова нисходя к любовному созерцанию и служению всему борющемуся растущему, оно теперь находит и обожает повсюду - в небе и гнезде, душе и пустоте - одну Энергичную Любовь, которая "безмерна, поскольку это

все, что существует", и полные противоположности которой составляют терпеливое восхождение индивидуальной души, страстное излияние Божественного Разума.

ГЛАВА X

МИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

И тут практичный человек, который был странно молчалив на последних этапах нашей беседы, встряхивается, как терьер, который после купания снова выбрался на сушу; и задает еще раз, с некоторой взрывной яростью, свой старый добрый вопрос: "В чем *польза* от всего этого?"

"Вы познакомили меня, - говорит он далее, - с некоторыми любопытными состояниями сознания, достаточно интересными в своем роде; и со множеством своеобразных эмоций, многие из которых, без сомнения, наиболее ценны для поэтов и так далее. Но все это так далеко от повседневной жизни. Как это будет вписываться в обычное существование? Как, прежде всего, все это поможет *мне*?"

Что ж, в самом низшем смысле этот новый способ отношения к жизни - это углубление и расширение кругозора - может, по крайней мере, быть вам не менее полезным, чем многие вещи, которым вы без колебаний посвящали много времени и усердия в прошлом: например, ваши длительные путешествия в новые страны или долгие часы, потраченные на приобретение новых "фактов", переключивание старого опыта, приобретение навыков в новых искусствах и играх. Они, это правда, вполне стоили затраченных на них усилий: ибо они давали вам, в обмен на ваш труд и внимание, свежий взгляд на определенные фрагментарные вещи, новую точку соприкосновения с богатым миром возможностей, крошечное расширение вашей вселенной в том или ином направлении. Ваша любовь и терпеливое изучение природы, искусства, науки, политики, бизнеса и даже спорта отплатили вам тем же. Но я предложил вам, в обмен на кроткое и усердное внимание к другому аспекту мира, которым вы до сих пор несколько пренебрегали, расширение, которое будет включать в себя все это и превзойдет его; и будет обусловлено только совершенством вашей щедрости, мужества и самоотдачи.

Вы также не должны предполагать, что это расширение будет ограничено определенными новыми духовными восприятиями, которые искусство созерцания сделало для вас

возможными: что оно просто приоткроет занавеску на окне, в которое вы никогда не выглядывали. Этот новый широкий мир должен быть для вас не чем-то увиденным, а чем-то прожитым, и вы - поскольку человек - существо, реагирующее - будете незаметно меняться под его влиянием, взрослея в более совершенном соответствии с ним. Живя в этой атмосфере Реальности, вы, по сути, сами станете более реальными. Следовательно, если вы принимаете в духе доверия внушения, которые были вам сделаны - и я признаю, что здесь вначале важна позиция веры, - и если вы с усердием практикуете искусства, которые я описал, то рано или поздно вы неизбежно обнаружите, что они глубоко и надолго изменили вас - вы почувствуете, что стали "новым человеком". Вы не просто приобрели новые способности восприятия и новые представления о Реальности, но произошла тихая и полная трансформация, укрепление и созревание вашей личности.

Вы все еще, это правда, живете обычной жизнью тела. Вы погружены в поток длительности; вы часть человеческой, социальной, национальной группы. Эмоции, инстинкты, потребности этой группы влияют на вас. Ваш меняющийся запас жизненных сил вносит свой вклад в корпоративную жизнь; и вносит тем эффективнее, что новая, интуитивная симпатия теперь сделала ее интересы вашими собственными. Из-за этой корпоративной жизни, переливающей вас, дающей вам и забирающей у вас - обуславливающей вас бесчисленными косвенными и незаметными способами - вы все еще вынуждены реагировать на многие внушения, которые вы больше не в состоянии уважать: контролируемые до последнего момента вашего телесного существования и, возможно, впоследствии, по привычке, старым добрым обычным способом непонимания мира. До такой степени дух толпы держит вас в своих объятиях.

И все же, несмотря на все это, сейчас вы освобождены от тиранически подавляющего сознания этой толпы, как никогда раньше. Теперь вы ощущаете себя отдельной яркой сущностью, настоящим, цельным человеком: зависимым от Целого, и с радостью таким зависимым, но внутри этого Целого свободным, самоуправляющимся существом. Возможно, вам всегда казалось, что ваша воля свободна, что на самом деле вы, как вы иногда говорили, "капитан своей души". Если так, то это была всего лишь одна из многих иллюзий, которые поддерживали вашу старую, поработченную карьеру. На самом деле вас гнали по дороге, не подозревая ни о чем, что лежало за изгородями, теснимые со всех сторон другими членами стаи; возможно, вы получали определенное удовлетворение от глубокого теплого движения коллективной жизни, но не знали о своей цели, и ваша личная инициатива ограничивалась выщипыванием травы на ходу, прокладыванием себе путь к более мягкой стороне дорожки. Эти операции вместе составили то, что вы называли Успехом. Но теперь, поскольку вы достигли определенной способности собираться вместе, воспринимать себя как личность, дух и наблюдать за своей связью с этими другими индивидуальными жизнями - поскольку также, время от времени слыша таинственное пение Пастуха, вы осознаете свое собственное постоянное движение вперед и движение стада в его связи с этим живым проводником - вы обладаете гораздо более глубоким, истинным знанием, чем когда-либо прежде, как общего, так и индивидуального существования; и поэтому способны управлять жизнью более уверенной рукой.

Не думайте из этого, что ваша новая карьера должна постоянно поддерживаться приятными духовными контактами или заключаться в спокойном созерцании огромного мира, по которому вы движетесь. Верно, о Пастухе говорят, что он носит ягнят на груди, но ожидается, что овцы будут ходить и мириться с неровностями дороги, ухабами и промахами стада. Вы призваны придавать силы, а не утешать. Поскольку трансцендентальный аспект вашего существа был

поставлен в центр внимания, вы теперь поднялись из простого стремления вперед, слепого прохождения паствы сквозь время, на позицию творческой ответственности. Вы осознаете личную переписку с Пастырем. Вы также переписываетесь с большим, более глубоким, обширным миром. Небо и живые изгороди, обширные земли, по которым вы движетесь, корпоративный характер и значение группы, к которой вы принадлежите, - все это теперь находится в пределах круга вашего сознания; и каждое маленькое событие, каждое отдельное требование или приглашение, которое приходит к вам, теперь воспринимается в более истинной пропорции, потому что вы приносите в него свое осознание Целого. Ваше путешествие перестает быть автоматическим прогрессом и приобретает некоторые черты свободного действия: поскольку "вещи" теперь подчинены вам, вы больше не подчиняетесь им.

Вы вряд ли станете отрицать, что это практический выигрыш: расширение и углубление диапазона, в котором работают ваши способности восприятия, делает вас большим человеком, чем вы были раньше, и, таким образом, увеличивает, а не уменьшает вашу общую практическую эффективность. Действительно, только когда он достигает этих уровней и чувствует внутри себя эту творческую свободу - эту полную реализацию самого себя - с одной стороны, а с другой стороны, ощущение мирового порядка, любви и энергии, от которых он зависит и с интересами которых он теперь един, человек становится полностью человеком, способным жить настоящей жизнью Вечности посреди мира времени.

И какой, по вашему мнению, должна быть ваша собственная функция в этой обширной двойной схеме, когда вы дойдете до этого? Неужели вы думаете, что это напрасно, что вы, таким образом, являетесь местом встречи двух орденов? Несомненно, это ваше дело, насколько это возможно, выражать в действии что-то из реального характера той вселенной, в пределах которой, как вы теперь знаете, вы живете? Художники, осознающие более яркий и прекрасный мир, чем другие люди, всегда движимы своей любовью и энтузиазмом, чтобы попытаться выразить, воплотить в прямое проявление те более глубокие значения формы, звука, ритма, которые они смогли воспринять: и, делая это, они постигают все более глубокие истины, вступают во все более тесный союз с Реальностью. Для них долг созидания тесно связан с даром любви. В их страстном излиянии во вселенную, которая предлагает себя в одном из своих многочисленных аспектов для их обожания, за этим потусторонним проявлением красоты всегда следует, уравнивается, завершается импульс этого мира к творчеству: желание зафиксировать во временном порядке и поделиться с другими людьми видением, которым они были одержимы. Каждый, таким образом, принося новые аспекты красоты, новые способы видеть и слышать в пределы досягаемости расы, делает что-то, чтобы изменить жалкую вселенную здравого смысла, еще более отвратительную вселенную жадности, и избавить своих собратьев от их старого, вялого рабства до более низкого уровня значимости. Таким образом, именно в действии они находят свою самую верную и безопасную точку вхождения в живой, активный мир Реальности: разделяя и продвигая его работу по проявлению, они лучше всего познают его секреты. Для них созерцание и действие - не противоположности, а две взаимозависимые формы жизни, которая *едина* - жизни, стремящейся к страстному единению с истиной и красотой только для того, чтобы извлечь из этого непосредственного переживания Реальности новую интенсивность, с которой можно обращаться с миром вещей; и переделать его или, по крайней мере, какую-то его часть, "ближе к желанию сердца".

Опять же, великие мистики говорят нам, что "видение Бога в Его собственном свете" - прямой контакт субстанции души с Абсолютом, - к ужасному переживанию которого вы приблизились

настолько, насколько это позволяли качества вашего духа на третьей степени созерцания, является прелюдией не к дальнейшему раскрытию данного вам вечного порядка, но к полному изменению, зарождению яркой жизни внутри вас, которое они иногда называют "преобразующим союзом" или "рождением Сына в душе". Под этим они подразумевают, что искра духовного вещества, та высокая особая сила или характер человеческой природы, с помощью которой вы сначала желали, затем стремились к контакту с Реальностью, затем достигли его, как бы оплодотворяется этим глубоким общением со своим источником; становится сильной и энергичной, проникает во всю личность и преобразует ее, и делает из нее не "мечтательного мистика", а активного и страстного слугу Вечной Мудрости.

Так что, когда эти взрослые, полностью жизнелюбивые мистики пытаются рассказать нам о жизни, которой они достигли, они всегда описывают чрезвычайно активную жизнь. Они говорят не о том, что они "пребывают в безмятежном плодоношении", хотя глубокое и радостное знание этого, а также, возможно, и постоянное стремление к полной самоотдаче в этом, всегда присуще им, но о том, что они "поднимаются и спускаются по лестнице созерцания". Они тянутся вверх, к Точке, уникальной Реальности, к которой вливаются все сложные и многоцветные линии жизни и в которой они сливаются; и устремляются навстречу этим различным жизням в страсти активной любви и служения. Эта двойная активность, это колебание между отдыхом и работой - только это, по их словам, является истинной жизнью человека; потому что только это представляет на человеческих уровнях что-то от той неисчерпаемо богатой, но простой жизни, "вечно активной, но и вечно покоящейся", которую они находят в Боге. Когда он достигает этого, тогда человек действительно осуществляет свое единение с Реальностью; потому что тогда он является частью вечного творческого акта, вечного порождения Божественной мысли и любви. Поэтому созерцание, даже в его высшей, самой дорогой и интимной форме, не должно быть для вас самоцелью. Она будет по-настоящему вашей только тогда, когда побудит вас к действию: когда в вас реализуется двойное движение Трансцендентной Любви, влекущей внутрь к единству и плодоношению и снова устремляющейся наружу к творческим действиям. Вы должны быть живым, пылким инструментом, с которым работает Высший Художник: одним из инструментов Его самовыражения, вечного процесса, посредством которого Его Реальность находит конкретное выражение.

Итак, выражение видения, реальности, красоты в руках художника - создание новой жизни во всех формах - зависит от двух факторов: живого формирующего творческого духа и материала, с которым он работает. Между этими двумя факторами неизбежно существует разница в напряжении. Материал в лучшем случае инертен и просто терпеливо относится к информирующей идее; в худшем случае, прямо ей не поддается. Следовательно, в зависимости от баланса этих двух факторов, степени сопротивления, оказываемого материалом инструменту, необходимо затратить больше или меньше энергии, будет достигнуто большее или меньшее совершенство результата. Вы, принимая широкую, глубокую вселенную мистики и связанную с ней ответственность, этим актом раз и навсегда становитесь на сторону творческого духа: на сторону высшего напряжения, неослабных усилий, страсти к лучшей, более насыщенной и значимой жизни. Поклонение, в котором вы поклялись, - это не красные пуфы и авторизованные сборники гимнов, а пылающий и всепожирающий огонь. Тогда вы обнаружите, что мир, идущий своей собственной походкой, деловито занятый своей собственной системой соответствий, уступающий каждому порыву страсти, сосредоточенный на удовлетворении жадности, борьбе за комфорт или за власть, будет противодействовать вашему новому рвению; возможно, с

насилием, но более вероятно, с раздражающим спокойствием тяжелого животного, которое отказывается вставать. Если ваша новая жизнь чего-то стоит, она вспыхнет с еще большей силой, когда ударит по этой упрямой инертности вещей: ибо вам нужны силы сопротивления, некоторые помогут действовать. "Путь к Согласию лежит через Отрицание", а праведная война - единственный путь к живому и прочному миру.

Далее, вы будете все более и более ясно замечать, что материал вашего внешнего мира, методы и механизмы обычной жизни не просто пассивно, но активно несовместимы с вашим острым внутренним видением истины. Тяжелое животное так же болезненно, как и лениво. Все извращенные способы человека видеть свою вселенную, все порочные и отвратительные действия, которые проистекают из них, - все это вызвало реакцию, произвело глубокие беспорядки в мире вещей. Человек свободен и владеет ключами от ада так же, как и ключами от рая. Таким образом, внутри управляемой любовью вселенной, которую вы научились видеть как единое целое, вы обнаружите эгоизм, бунт, подлость, жестокость, убожество: работу отделенных "я", чьи энергии направлены против течения. Но каждый аспект жизни, каким бы ложно вообразимым он ни был, все же может быть "спасен", обращен к целям Реальности, ибо "все сущее существует любовью Божьей". Его противоположности не являются частью его реальности; и поэтому их можно преодолеть. Тогда разве здесь нет изобилия практической работы, которую вам предстоит выполнить; работы, которая является прямым результатом вашего мистического опыта? Разве здесь, как гласит французская пословица, не хватает кошек, которых можно расчесать? И разве не здесь, в новой точке опоры, которую он вам дает, в новом ясном видении и уверенности - в своей благородной, серьезной и неуязвимой вере - мистицизм "полезен" даже для самых научных социальных реформаторов, самых воинственных политиков, наименее сентиментальных филантропов?

"Перенести Вечность во Время", "невидимое в конкретное выражение"; "быть для Вечного Блага тем, чем является его собственная рука для человека" - таковы ясно выраженные желания всех великих мистиков. Все они, как один, требуют серьезных и обдуманных действий, внедрения очищенной и пылкой воли в мир вещей. Мистики - художники; и материалом, с которым они работают, чаще всего является человеческая жизнь. Они хотят излечить дисгармонию между действительным и реальными: и поскольку в раскаленном добела сиянии той веры, надежды и милосердия, которые горят в них, они видят, что такое примирение возможно, они способны добиваться его с целеустремленностью и непобедимым оптимизмом, недоступным другим людям. Это был инстинкт, который подтолкнул святого Франциска Ассизского к практическому переживанию бедности, которую он считал высшей мудростью; святую Екатерину Сиенскую - от созерцания к политике; Жанну д'Арк - к спасению Франции; святую Терезу - к созданию идеальной религиозной семьи; Фокса - к провозглашению мировой религии, в которой все люди должны руководствоваться Внутренним Светом; Флоренс Найтингейл - к борьбе с чиновниками, паразитами, грязью и болезнями в солдатских госпиталях; Октавию Хилл - к созданию в лондонских трущобах чего-то более близкого к "теням домов ангелов", чем то, что было создано в прошлом. который обычно предоставляет практичный арендодатель.

Все они были уверены, что великая роль в драме творения отведена свободному духу человека: что мало-помалу, с его помощью, разрозненные миры любви, мыслей и действий будут снова объединены в один. Те, кто нашел нить, на которую нанизаны эти миры, должны извлечь это

знание из сокрытия; использовать его, как древние алхимики заявляли, что они могут использовать свою настойку для превращения всех низменных металлов в золото.

Итак, вот ваше призвание: призвание настолько разнообразное по своим возможностям, что вы вряд ли сможете не найти себе занятие по душе. Ваше дело актуализировать в мире времени и пространства - возможно, великими усилиями в области героических поступков, возможно, лишь малыми в поле на рынке, в трамвае и метро, в офисе и гостинице, в постоянном обмене мнениями в обычной жизни - ту более реальную жизнь, ту святую творческую энергию, которую этот мир проявляет как единое целое, но безразлично. Вы должны трудиться ради милосердия, порядка, красоты, значимости: должны чинить там, где вы обнаружите, что что-то сломано, создавать там, где вы сочтете нужным. "Поклоняйся, латенс Божество", - сказал Святой Фома в своем великом мистическом гимне. И практическая сторона этого поклонения состоит в том, чтобы вывести Реальное Присутствие из его скрытности и показать его перед глазами других людей. До сих пор вы не были очень активны в этом вопросе, но это цель, ради которой вы существуете, и ваше созерцательное сознание, если вы его просветите, вскоре прояснит вам этот факт. Изобилующая жизнь природы открыла вашему любящему вниманию множество сакраментальных образов Реальности: рассматриваемая в свете милосердия, она гораздо более священна и значима, чем вы предполагали. А как *жетвоя* жизнь? Это тоже теофания? "Каждый дуб кричит о том, что я ЕСТЬ", - говорит Воан. Возвещаете ли вы своим существованием величие, красоту, интенсивность, живое чудо той Вечной Реальности, внутри которой в данный момент вы находитесь? Гармонизируют ли ваши часы созерцания и действия?

Если бы они пришли в гармонию - если бы все пришли в гармонию, - тогда, благодаря этим индивидуальным настройкам, все групповое сознание человечества было бы изменено, приведено обратно в соответствие с Трансцендентным; и духовный мир, наконец, был бы актуализирован во временном порядке. Тогда тот мир ложного воображения, бессмысленных конфликтов и фальшивых ценностей, в котором сейчас рождаются наши дети, был бы уничтожен. Вся раса, а не только несколько ее благороднейших, наиболее прозорливых духов, были бы "в союзе с Богом"; и люди, пронизанные Его светом и теплом, прямые и добровольные проводники Его Чистой Деятельности, достигли бы той полноты жизни, которую мистики осмеливаются называть "обожествлением". В этом суть того искупления мира, которое провозглашают или требуют все религии: завершение, которое грубо воображается в апокалиптических снах пророков и провидцев. Это истинное воплощение Божественной Мудрости: и вы должны научиться вместе с Павлом видеть страдания и беспорядки творения - а также ваши собственные страдания, усилия и трудности - как эпизоды в муках этого царственного рождения. Патриотов иногда просили "мыслить имперски". Мистиков просят мыслить небесно; и это не при рассмотрении вещей, обычно называемых духовными, а когда имеешь дело с конкретными случайностями, злом и печалью, жестокостью, неудачами и вырождением жизни.

Итак, то, что вам предлагается, - это не просто выбор между новыми состояниями сознания, новыми эмоциональными переживаниями - хотя они действительно связаны с этим, - но, прежде всего, более широкая и насыщенная жизнь, карьера, полное посвящение себя интересам Реального. Эта жизнь не должна быть абстрактной и мечтательной, состоящей, как некоторые воображают, из отрицаний. Оно должно быть яростно практичным и утверждающим, дающим простор для безграничной активности воли, сердца и разума, работающих в ритмах

Божественной Идеи. Это будет стоить многого, постоянно требуя от вас лояльности, доверия и самопожертвования: теперь вы доказываете необходимость и ценность того обучения отречению, которое было навязано вам в начале вашей внутренней жизни. Оно должно быть одновременно глубоким и широким, охватывая в своем объеме все те аспекты Реальности, которые открыло вам постепенное расширение ваших созерцательных способностей: превращение "внутреннего и внешнего миров в неразделимое Целое". И поскольку акцент теперь навсегда смещен с несчастных случаев на суть жизни, не будет иметь большого значения, где и как осуществляется эта карьера - в монастыре или на фабрике, в учебе или на поле боя, в толпе или одиночестве, в болезни или силе. Эти колебания обстоятельств больше не будут доминировать над вами, поскольку "за все платит Любовь".

Однако все это не означает, что раскрытие вселенной, яркое осознание живой Реальности и вашей связи с ней, которые пришли к вам в процессе созерцания, обязательно будут постоянной или управляемой чертой вашего опыта. Даже при самых благоприятных обстоятельствах вы будете и должны легко и часто переходить от этого духовного достижения к активной работе в мире людей. Достаточно часто оно совершенно ускользает от вас; часто ваши самые усердные усилия не приводят к тому, чтобы вернуть его, и остается только его аромат. Чем интенсивнее были эти контакты, тем ужаснее будут ваш голод и опустошение, когда они будут таким образом прекращены: ведь повышение восприимчивости означает больше боли, а также больше удовольствия, как известно каждому художнику. Но вы обнаружите во всем, что с вами происходит, во всем, что противостоит вам и огорчает вас - даже в те неизбежные часы темноты, когда двери истинного восприятия, кажется, закрываются, и жестокие хитросплетения мира - это все, что вы можете различить, - внутреннее чувство безопасности, которое никогда не исчезнет. Все волны, которые захлестывают вас, поколебывая иногда самую сильную веру и надежду, все же являются частями и аспектами одного Океана. Если бы они полностью погубили вас, этот Океан принял бы вас; и там вы нашли бы, переполняющую и переливающую вас, непостижимую Субстанцию всей жизни и радости. Осознаете ли вы это в личном или безличном проявлении, Вселенная теперь дружелюбна к вам; и поскольку он - подозрительный и недостойный любовник, который каждый день просит новых проявлений любви, поэтому вы не требуете от него постоянных заверений. Достаточно того, что однажды он показал вам свое сердце. Узы любви теперь связывают вас с ним навсегда: несмотря на заброшенность, несмотря на тьму и страдания, ваша воля находится в гармонии с Волей, которая наполняет Целое.

В начале этого обсуждения мы говорили, что мистицизм - это искусство единения с Реальностью, что это, прежде всего, Наука Любви. Следовательно, состояние, к которому она стремится и к которому стремится душа созерцающего, - это состояние *бытия*, а не *видения*. Как телесные чувства возникли под давлением физического окружения человека, и их истинной целью является не увеличение его удовольствия или знаний, а совершенствование его приспособления к тем аспектам природного мира, которые его касаются, так и использование и значение духовных чувств также строго практичны. Они, когда развиваются в результате соответствующей тренировки, открывают человеку определенную меру Реальности: не для того, чтобы он мог смотреть на нее, но для того, чтобы он мог реагировать на нее, учиться жить в ней, с ней и для нее; возрастая и расширяясь в более совершенной гармонии с Вечным Порядком, пока, наконец, подобно благословенным из видения Данте, ясность его пламени не откликается на невыразимое сияние Зажигающего Света.